

СИГНАЛЬНЫЙ



# СМЕНА

15

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

# ГОРОДОК В СТЕПИ

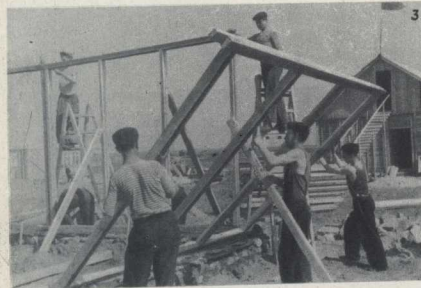
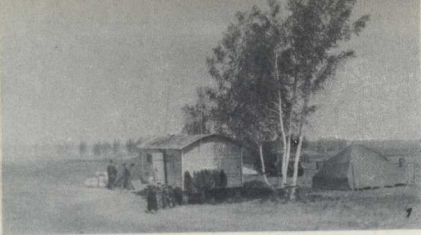
Фото В. Небылицкого.

На самом востоке Кустанайской области раскинулись поля нового зерносовхоза «Лесной». Некоторые из вехших сюда на освоение целинных земель представляли себе, что да раскаленный ветер. Оказалось же, что на севере Казахстана встречаются и березовые рощицы и голубые озера, окаймленные золотистой рамкой песков, — уголки, напоминающие родные пейзажи средней России и Украины. Но еще ближе, роднее стала им степь, когда они своими руками начали менять ее облик.

Еще недавно люди, поднимавшие цепную, жили в палатках, в передвижных полевых вагончиках, а теперь постепенно перебираются в построенные ими дома. На центральной усадьбе зерносовхоза «Орджоникидзевский», кроме жилых домов, строятся мастерские, школа, больница, столовая, клуб. Возникает целый городок в степи.

#### На снимках:

1. У небольшой березовой рощицы раскинулся полевой стев зерносовхоза. 2. Залядка фундамента нового дома. 3. Быстро идет сборка дома из готовых деталей. 4. А вот уже



наметилась будущая улица. 5. Комсомолец Виктор Коломицев — потомственный строитель. Его отец и сейчас работает плотником в животноводческом совхозе под Симферополем. Окончив ремесленное училище, Виктор также получил специальность плотника, участвовал в восстановлении города-героя Севастополя. Вместе с друзьями по работе пришел он на целинные земли Северного Казахстана.

Бригаду молодых строителей, возводящую в степях Казахстана новый городок, с уважением называют в совхозе «севастопольцами».

Далеко за пределами Ярославской области родкоз «Горки» славится своим прекрасным стадом породистых, высокоудойных коров. Лучшие животноводы этого колхоза являются участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. На снимке слева дальняя туалетница Александра Лигина, Героя Социалистического Труда; дядя Ольга Сергеева, дядя Валентина Мосулдина, зоотехник; Анна Чичерина, дядя Галина Баранова и туалетница Галина Бывова.

Фото Г. Ворисова и Я. Халина.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

# СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал  
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 15. 1954 год.

Год  
издания  
31-й

На огромной территории раскинулась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Величественные архитектурные сооружения утопают в яркой зелени садов и декоративных растений. Живописный вид открывается перед глазами. На с ним к Площади Июльско...



# СМОТР ВСЕНАРОДНЫХ

БЕСЕДА С ДИРЕКТОРОМ ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ АКАДЕМИКОМ Н. В. ЦИЦИНЫМ

— Коммунистическая партия и Советское правительство всегда уделяли и уделяют огромное внимание вопросам развития сельского хозяйства,— рассказывает в беседе с корреспондентом «Смены» Николай Васильевич Цицин.— Еще в 1923 году по решению IX Всероссийского съезда Советов при горячей поддержке Владимира Ильича Ленина была открыта первая Всероссийская сельскохозяйственная выставка. Значение этой выставки заключалось в том, что она на примере первых совхозов и колхозных хозяйств показывала единичным крестьянским хозяйствам правильный, социалистический путь развития.

Вторая Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, открытая по решению Советского правительства в 1939 году, демонстрировала великие перемены, происшедшие на Советском Союзе за первое десятилетие колхозного строя. Уже в то время по производству пшеницы, ржи, сахарной свеклы и других важнейших сельскохозяйственных культур Советский Союз занимал первое место в мире. На этой выставке можно было увидеть тракторы, комбайны и другие сложные сельскохозяйственные машины, которыми вооружила деревню наша социалистическая промышленность и при помощи которых уже обрабатывались огромные посевные площади.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 года отражает новые достижения советского народа в создании крупного механизированного сельского хозяйства, успехи в развитии совхозного и колхозного производства, несомнущую силу союза рабочего класса и крестьянства.

Каждая республика представлена здесь отдельным павильоном. Важнейшие отрасли сельского хозяйства также выделены в самостоятельные павильоны. Все здания на территории выставки богато и красиво оформлены. Кроме 76 основных павильонов, сооружено 231 строение специального и подсобного назначения.

Главная задача выставки — показать огромнейшие успехи социалистического сельского хозяйства, обобщить и пропандандировать производственный опыт лучших колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, передовиков и организаторов сельского хозяйства, а также достижения отечественной сельскохозяйственной науки.

Широкое внедрение в практику работы всех колхозов, МТС и сов-

хозов опыта участников выставки будет способствовать дальнейшему подъему всех отраслей сельского хозяйства нашей страны.

Корреспондент попросил тов. Цицина рассказать, как организован на выставке показ экспонатов.

— Территория выставки занимает 207 гектаров. Здесь возведены прекрасно оформленные павильоны, выстроены оранжереи, теплицы, отведены специальные участки, где показано, как выращиваются различные сельскохозяйственные культуры. В плодородном саду и на территории выставки высажено 5 500 фруктовых деревьев.

Специальный павильон «Зерно» посвящен борьбе за увеличение производства хлеба. Здесь, на стендах, широко представлены 33 колхоза, 7 машинно-тракторных станций, совхозы, семеноводческие и селекционно-опытные учреждения и хозяйства. Особый стенд — отводится достижениям Красноярской машинно-тракторной станции Кочетавской области Казахской ССР.

Отдельный павильон посвящен также и развитию животноводства. Лучшие колхозы и совхозы представляют на выставку более 2 тысяч голов продуктивного скота и лошадей. Совхоз «Караваев», Костромской области, демонстрирует знаменитую корову «Комса», годовой удой которой 13 572 литра молока; колхоз имени Кирова, Черниговской области, — корову «Зюзя» с годовым удоем 12 783 литра. Из колхоза «Красный Буденновский», Левосумского района, Ставропольского края, доставлен баран, вес которого 126 килограммов.

Исконный интерес представляет павильон Механизации и электрификации сельского хозяйства. В его 26 залах показаны лучшие образцы отечественной сельскохозяйственной техники — новейшие типы и марки тракторов и сельскохозяйственных машин, которым наша промышленность оснащает социалистическое сельское хозяйство. Для примера можно назвать трактор «ДП-35», гусеничный пропашной, выпускаемый Литвицким заводом. Использование этого мощного трактора позволяет резко сократить ручной труд при возделывании наше сельское хозяйство получит 27 340 таких тракторов.

Демонстрируются здесь колесные универсальные тракторы, снаб-



# ДОСТИЖЕНИЙ

женные гидравлическими подъемниками для управления навесными машинами и орудиями. Выставлена также новая четырехрядная квадратно-гнездовая картофелесажалка «СКГ-4», работающая в агрегате с тракторами «КДП-35» и «Беларусь». В павильоне широко освещено внедрение электроэнергии в сельское хозяйство.

Обзор выставки начинается с Главного павильона, затем экскурсанты направляются по специальным маршрутам. Отдельно разработаны маршруты для школьников и юных натуралистов. Подобрано около двух тысяч экскурсоводов.

На вопрос, кто является участниками выставки, Н. В. Цицин ответил: — На выставке представлены лучшие из лучших. В их числе свыше 3540 колхозов, 1067 совхозов, 367 машинно-тракторных станций, 2893 животноводческие фермы, большое количество научно-исследовательских опытных учреждений, тысячи передовиков, организаторов и специалистов сельского хозяйства. Участниками выставки являются также сельскохозяйственные работники, получившие в 1952 и 1953 годах звание Героя Социалистического Труда за достижение высоких показателей в развитии сельского хозяйства.

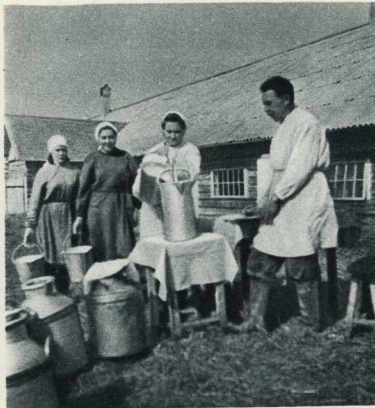
Среди участников выставки 1954 года мы встречаем многих из тех, кто продемонстрировал свои достижения на выставке 1939—1941 годов. Среди них бригадир тракторной бригады Старо-Бешевской МТС, Герой Социалистического Труда П. Ангелина, бывший полевод колхоза «Заветы Ильича», Шадринского района, Курганской области, а теперь руководитель научного учреждения, лауреат Сталинской премии Т. Мальцев, бывшая заведующая колхоза, ныне аспирант Всесоюзного научно-исследовательского института М. Гнатенко и многие другие. Среди участников выставки есть много и новых имен, представителей нашей молодежи, и в их числе те, кто, откликнувшись на призы партии, отправился на освоение целинных и залежных земель.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка — это всенародный смотр достижений и школа передового опыта социалистического сельского хозяйства. Она продемонстрирует перед всем миром громадные преимущества социалистического строя и неуклонный рост нашей страны, великие успехи советского народа, идущего под руководством Коммунистической партии к коммунизму.



Эта скульптура установлена у павильона Грузинской ССР.  
Фото М. Окушко.

## МОЛОЧНОЕ МОРЕ



Участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки бригадир Борис Абрамов принимает дневной удой молока.  
фото автора.

Заведующую молочно-товарной фермой «Серп и молот» Нию Александровну Фокину доярки ласково зовут «безусловный человек». Спросите Нию Александровну, можно ли от коровы Сильмы, давшей 4 тысячи литров молока, получить в будущем году 5 тысяч литров или можно ли за одну ночь заложить 150 тонн силоса, и она ответит: «Безусловно можно!»

Как-то раз в погожий осенний вечер Нина Александровна собралась поехать с девушками в Вологду, в театр. Она с удовольствием оглядела себя в зеркало: сиреневое новое платье было ей к лицу.

— Скорее, скорее... торопится ее девушки. Вдурь дверь распахнулась, и в комнату вежало запахавшаяся доярка Вера Капышева.

— Корова наша Отличница подклевает! — со слезами на глазах крикнула она.

— Как подклевает? — испугалась заведующая молочно-товарной фермой.

Отличница — одна из лучших коров, ее любимца. Еще днем она была здорова.

Но размывлять было некогда.

На дворе фермы Нина Александровна увидела уже хлюпавшего около большой коровы ветеринарного фельдшера Сергеевича Пегина. Он беспомощно разводил руками и твердил одно и то же:

— Зарезать, надо зарезать: инфекционная болезнь...

Председатель колхоза Николай Иванович Лелин соглянулся с фельдшером. Но Нина Александровна запротестовала:

— Не дам резать! Отличницу я безусловно выведу...

— Безусловно, безусловно! — перепардился ее Пегин. — А кто отвечать будет, если заразится стадо?

Фельдшер был обижен: поставленный им диагноз азиат под сомнение Ниной Александровной. Она тут же расспросила о дневном сто обкормила. Два дня и две ночи она не отходила от больной Отличницы, и только благодаря заботе и уходу ее любимца поднялась на ноги.

Каждое утро, как заботливая хозяйка, обходит Нина Александровна всю ферму, осматривает коров, автопоелки, подвесную дорожку, силосную башню и даже халаты, в которых девушки доят коров.

Только что закончилась вторая дойка. Сдав молоко, доярки одна за другой подходят к Нине Александровне с вопросами, просьбами, а некоторые просто подвороваться.

— Как пахнет теленка от Нети? — спрашивает Тоня Саничева. — Никан не могу придумать.

По обычаю, всем телятям отела тукушего го-

да надо дать клички только на букву «А». Уже даво 165 кличек. До сих пор доярки придумывали клички коллективно, потом отказались: все берет хорошие клички для своих телят, ведь в этом году ожидается приплод в 350 голов.

— А бычок или телочка? — осведомилась заведующая фермой.

— Бычок, — ответила доярка, — да такой, знаете, шустрый, пять часов на свете живет, а носами крутит, как акробат, прямо хоть сейчас на выставку иди.

— Вот и назови его Акробатом, — советует Нина Александровна.

— Хорошо бы, да уж есть Акробат.

— Тогда подумай еще.

Девушка прижимает палец за пальцем, называет клички: Араб, Автобус, Актис, Арех, нет, Орех, поправляет она себя, Абажур, Акбар... Все есть, все есть.

Она садится на бревно и долго еще молча перебарывает пальцы. Лицо ее сосредоточено, серьезно.

— Ну, назови его Атом, — советует Нина Александровна.

— Атом? — девушка морщит лоб. Потом решительно отвергает: — Нет уж, лучше назову его Абура.

Радостная от внезапно приведшей на ум клички, Тоня убегает делать бирку «Абура».

— Пятая бригада, или, как ее здесь называют, «бригада молодых», требует от Нины Александровны особого внимания, помощи.

В бригаде работают одиннадцать девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Возглавляет эту бригаду Борис Дмитриевич Абрамов, от природы мурый и режкий человек. Его длинные рыжеватые брови всегда сведены у переносицы, и кажется, он совсем не умеет смеяться.

До того, как была создана «бригада молодых», Абрамов работал пастухом. Целями днями, пошелавши кнутом, он ходил по лугам, наблюдая за стадом. Бывало, еще совсем не село, а молодые доярки уже идут к стаду с ведрами, стараясь пораньше подоить коров, сдать молоко и бежать на танцы. Но, завидев девушек, Абрамов останавливал их:

— Не время, еще не время! Доят не разрешено, пора порядок звать...

Если кто из депаев все же решался раньше времени доить коров, Абрамов широко замахивался кнутом и разгонял стадо.



Танк выдвигает на выставку образцы современного животноводческого фермы.

И вдруг доярки узнали, что именно этот «доярничий» поступок выдвигается к ним бригадиром. Не спорившись, они собрались в свою дежурную комнату, зашумели:

— Не бывайте ему бригадиром!. Он восемь лет кнутом шлепает, а другого ничего не знает... В это время в комнату вошла Нина Александровна Фокина.

— Вы чем-то встревожены? — спросила она. Девушки заговорили все разом: — Не нужен он нам, уберите его, или мы уйдем в другие бригады!

Нина Александровна спокойно выслушала всех и строго сказала:

— В каждой бригаде должна быть дисциплина, а у вас что получается? Ну, не зная человека, подымаете шум. Нехорошо. Мы для того и ставим его бригадиром, чтобы он помог нам по-настоящему наладить работу.

Нина Александровна долго говорила о pasture как о трудолюбивом, требовательном к себе и к другим человеке, хвалила его.

— Ну что ж, посмотрим, — согласилась девушка.

Борис Дмитриевич приступил к работе в те дни, когда на скотном дворе бригады была испорчена автопоилка и доярки послали воду ведрами.

— Не годится так, — сказала Абрамов, — у вас есть свои обязанности...

В тот же день он добился, чтобы выделили специальную подвозчика воды. Потом освобождая девушек от подвозки кормов, взял это дело на себя. Он сам отремонтировал автопоилку, научил, как лучше раздвигать коров, и вскоре о нем заговорили в бригаде с уважением:

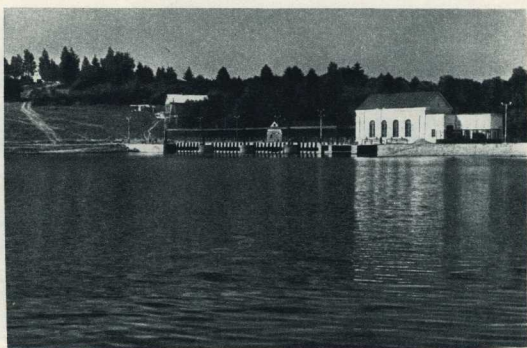
— А наш бригадир знает дело!

...В километре от шоссевой дороги, среди густых берез и тополей, виднеется двухэтажный дом. Когда-то здесь была дача колхозного кулака Нечаева. Теперь в этом доме правление колхоза «Серп и молот», или, как называют местные жители, «штаб двадцати трех деревень», которые вошли в укрупненный колхоз.

На холме неподалеку от правления раскинулись дворы и служебные постройки молочно-товарной фермы колхоза. Здесь, на зеленой поляне, рядом с одним из дворов, собрались девушки-доярки. Среди них, сияя затертым молодым лицом, заведующая молочно-товарной фермой Нина Александровна Фокина. С радостью сообщает она девушкам, что их колхоз является участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Но количеству голов в стаде и показателям издоль молока колхоза здесь одно из первых мест в области.

Нина Александровна перебирает листочки бумаги и называет цифры. На первом месте — пятая бригада. Ее хозяйство — 88 коров, а всего на ферме 307 дойных коров. Средний годовой надой от каждой из них — 2806 литров.

— Это же целое молочное море! — тихо восклицает одна из доярок.



Горбовская молокозаводная ГЭС.

Фото В. Тюкиной.

## НАД РУЗОЙ РЕКОЙ...

Ольга КОЖУХОВА

У прудов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в часы заката солнца бывает особенно многолюдно. Здесь воздух напоен прохладой, а зеркальной поверхности прудов отражаются бесчисленные многоцветные огни павильонов. Здесь посетители отдыхают, некоторые кормят рыбу, бросая в воду хлебные крошки, и рыба возле мостков игривет и резвится целыми стайками.

Но вот загорается еще один огонек, почти незаметный в сверлянии великого множества огней. Это дала ток действующая модель сельской гидроэлектростанции — примечательнейший экспонат выставки.

Домик, где помещается эта ГЭС, очень мал, но в том, что он существует, как в капле воды, отражается солнце великой ленинской мысли об электрификации всей страны.

Нет ничего дешевле «голубого угля» силы падающей воды. В нашей стране, так обильно изрезанной большими и малыми реками, возможности использования этой могучей силы почти безграничны. От действующей модели ГЭС на прудках сельскохозяйственной выставки до гигантских станций волжского каскада и великих сибирских рек — такой размах нашей гидроэнергетики. В павильоне сельских гидроэлектростанций и демонстрируются наши достижения в этой области.

Петр Николаевич Кириллин, директор павильона, строил первые в нашей стране гидроэлектростанции на реках Лама и Руза. Он видел Ленина — этот сорванный, в очках, седой человек. В 1920 году Владимир Ильич посетил Ярополце и Кашино, беседовал с крестьянами и строителями ГЭС. Великий вождь придавал огромное значение этим первым, в 12 киловатт, гидроэлектростанциям, ибо видел в них будущее электрического России. Нет в Советской стране человека, который бы не знал наизусть знаменитую ленинскую формулу: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Осуществление ленинской идеи посвятил всю свою дальнейшую жизнь Петр Николаевич Кириллин. За последние тридцать пять лет своей жизни он построил множество больших и малых станций, но те, разве, крохотные, так обрадовавшие Ленина, — самые близкие его сердцу. Бесчисленное количество учеников — знатоков сельской электрификации —

воспитал Кириллин за эти годы. Бесчисленное количество посетителей проходит через его маленький павильон, но никогда не устанет Петр Николаевич рассказывать о знании своего любимого дела, о великих ленинских заветах.

Для того, чтобы лучше ознакомиться с тем, какой размах приняла первая электрификация села, он рекомендует посетителям съездить на филиал выставку — в Рузский район, на Горбовскую межколхозную ГЭС.

\*\*\*

На 83-м километре магистрали Москва — Минск есть поворот на Рузу. Серая расклеванная лента шоссе вьется среди дремучих лесов с гуглыми чадами, кудрявыми перелесками и солнечными полянами, полянами кокошничков и замлянички. На обочине дороги неординарно возникает гранитный обелиск с сербронной пятиконечной звездой — братская могила героев Великой Отечественной войны. Дальше виднеется крутой холм с остатками кирпичной Иваницы, в зелени лесов мало кто заметит, пионерские лагеря... Но вот издали показалось осветительное белое здание ГЭС, отраженное в зленоватой глади водохранилища, посылающая ровный, мощный гул падающей воды.

Здесь, на реке Руза, при впадении ее в Московскую реку, и построено здание межколхозной Горбовской ГЭС, являющейся филиалом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Горбовская ГЭС, этот «экспонат», находящийся в самой гуще колхозной жизни, ничем особым не примечательна. Обычная типовая сельская гидроэлектростанция мощностью в 360 киловатт, она обслуживает пять укрупненных колхозов, картонную фабрику и подсобное хозяйство одного санатория. Осеню ГЭС возмает на коллективное довольствие еще два колхоза. Недалеко время, когда ее ток включится в общую московскую энергетическую систему, а вместе с нею — в «большое кольцо», и малая часть труда сельских энергетиков вольется в огромный труд всей страны, идущей вперед смелым и скорым шагом.

Еще нет и года, как состоялся исторический сентябрьский Пленум Коммунистической партии. Еще нет и года, как Горбовская ГЭС вступила в строй. Но уже много перемен при-



Секретарь комсомольской организации ГЭС техник Ася Трифонова.

нес этот год в жизни окружающих ГЭС колхозов. Все дальше и дальше от ее здания разбегаются линии высоковольтных передач, все больше огней зажигается в домах колхозников Русского района. В колхозе имени С. М. Кирова началось большое строительство. На центральной усадьбе с рассвета до темна стучат топоры, визжат пилы, ворчит экскаватор. С военными колоннами говорят о том, как уже сделано и что еще предстоит сделать. Уже возводятся строения будущего пичника на тысячу голов, с поилками, кварцевым обучением, лампами дневного света, зелеными площадями для прогулок. Завожен бетонный фундамент свинарника с паровым отоплением, прекрасной кормушкой, душем, подвальной дорогой. Бетонируются силовые ямы, ведутся провальные работы по строительству артезианских колодезь, намечается место для будущих садов, ягодников... В домах колхозников появились радиоприемники, электрофоны, электроплитки. Далеко за полночь горят огни на высотах берегов Рузы, и в каждом доме — кто читает книжку, кто слушает музыку, кто шьет себе новое платье.

\*\*\*

Задолго до рассвета встает председатель колхоза имени С. М. Кирова коммунистка Александра Спиридонова Викато. Крадет утро обходит она колхозные поля, строгальные площадки, фермы...

Прохлада утренней тропы среди хлебного поля. Машут головами газальные быки, ромашки, разросшиеся на обочине; душит низовой, летящий с полей ветер. Прекрасна Алятка, украшенная трудом человека. Но раскнившиеся перед Александрой Спиридоновой пейзажи не задерживают ее внимания. Она ускоряет шаг: ведь за день предстоит сделать так много, чтобы никто не успел поспеть.

Почти полтора десятка лет проработала Александра Спиридонова в городской администрации, но горячее сердце коммунистки к работе всегда тянулось к деревне. Подолгу расспрашивала она приезжающих из колхозов людей, часто сама бывала в комсомольских районах, принимала живое участие в радостях и огорчениях колхозников. Однажды короткий разговор с секретарем партийной органи-

зации изменил все ее жизнь, решил дальнейшую судьбу.

— Но знаю, почему некоторые не хотят ехать в деревню,— сказала тогда Александра Спиридонова. — Я деревню люблю, работы не боюсь...

— А если бы райком предложил тебе, ты бы пошла? — спросил секретарь партийной организации, поучуствовал в ее tone серьезные нотки. Она помолчала, ответила просто: — Пошла бы...

Так три года назад Александра Спиридонова стала вдова большого колхоза в тысячу с лишним гектаров земли. Четыре деревни: Горбово, Гордилово, Луново и Румянцево — оказались ей доверены, избрав председателем своего объединенного колхоза.

За три года неутомимая, настойчивая женщина успела завоевать уважение не только среди кировцев. С ее мнением считаются и в соседних колхозах, и в районе, и в Туковской МТС, обслуживающей поля колхоза имени С. М. Кирова. Поднялись, окрепли и отстроились колхоз. Хотя не все его постройки типовые, скот содержится в чистоте и тепле, в коровниках деревянные настали, стойла залиты электрическим светом. Но предсательница с нетерпением ждет того дня, когда сила электричества, дешевая, послушная энергия старой реки будет использована полностью.

Государство ступило колхозу большие кредиты на строительство, и Александра Спиридонова теперь вслух мечтает о новых типовых животноводческих фермах, электролупильных аппаратах, кормозапарниках, подвальных дорогах. В этом все ее помышлы.

\*\*\*

Комсомольцы ГЭС хорошо понимают свою роль в работе гидроэлектростанции — форпосте социалистической культуры в деревне. С особой тщательностью и вниманием каждый из них следит за механизмами. Чувство гордости за свою ГЭС, за совершенные чистотой машины, щиты и приборы, за безупречную работу всех частей сложного оборудования владеет ими.

Немного торжественно, но деловито и быстро происходит передача дежурства. Оставшись вдвоем с турбинистом, Ася Трифонова, секретарь комсомольской организации, проходит по машинному залу, проверяет показания приборов. Ведь от нее, смеяного техника, зависит, будут ли сегодня работать котельные, мельницы, электропилы, механизированные токи, во-первых ли выйдут котлы, накормят скот, покажут кинофильм.

Облокотившись на подоконник своего окна, Ася долго смотрит на бегущие словно всплавающие, волны реки и думает о своей еще очень небольшой жизни, о том, каким глубоким смыслом наполнен ее скромный, внешне непримечательный труд.

Ася думает и о своих товарищах и подругах по работе, так по-рано пришедших сюда, на Горбовую ГЭС.

Их было четыре девушки, окончивших Хотьковский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства. Все они получили наименование в Горбово. Но вскоре одна из подругих вышла замуж и уехала в Ленинградскую область. «Какая несправедливость!» —

штуки тогда комсомольцы ГЭС. — Наши московские кадры уезжают от нас. Ну, уж вы, девчата, смотрите, выходите замуж только за местных, горбовских, больше никого не отпускайте.

Три подруги сейчас работают на станции таинскими, и все в разных местах. Встретились они только при сдаче дежурства, Загорелье, с обветренными лицами, они внешне очень похожи друг на друга.

За время работы в Горбове девушки крепко сдружились между собой, познакомились с молодежью ГЭС, хорошо узнали жизнь окружающих деревень, картоной фабрики, где частенько бывають в свободное от дежурств время.

Большинство их товарищей по работе — тоже кировские. Турбинист Ван Сарцев родем из Верей, но он строил эту ГЭС и остался здесь работать. Жена Козымин из Бийска служила в этих краях в армии. Инженер-консомолец Валентин Иванович Андросов приехал сюда по окончании Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Один пришел со школьной скамьи, из аудиторных институтов и техникумов, другие уже имеют большой жизненный и практический опыт.

Директор ГЭС, молодой коммунист Иван Иванович Кураков, после армии пришел на строительство одной гидроэлектростанции простыми рабочим. Сначала он стал турбинком, потом — прорабом. В Горбово Кураков приехал начальником строительства. Сейчас Иван Иванович без отрыва от производства учится на инженерном факультете Всесоюзного заочного института сельского хозяйства. В Горбове он женился, обзавелся хозяйством, навсегда связав свою жизнь и работу с этим чудесным уголком Подмосковья.

Ася знает беспоконный характер Куракова: много раз за день заглядывал он в машинный зал ГЭС, позанимался с записями в журнале, расспросил, как идут дела.

Сейчас Кураков снова занят строительством: асфальтирует подъездные пути к гидроэлектростанции вместо временных зданий, в которых живет обслуживающий персонал, будут возводиться капитальные сооружения. Все управление механизмами переводат на автоматические, и работа дежурного техника сведется к наблюдению за контрольными приборами на пульте управления.

Представляла себе недалекое будущее, Ася улыбається своим мыслям. Она уже видит окружающие колхозы маленькими сказочными городками, лежащими в тенистых садах, среди плодородных полей...

— Ася, — прервала ее мысли, спрашивает турбинист, — ты была когда-нибудь на сельскохозяйственной выставке?

— Нет, — откликнулась девушка не сразу. — До войны я была маленькой. А сейчас ведь мы сами — часть выставки, ее филиал. Сейчас к нам самим будут ездить...

Она несильно мотавной молчит, а потом говорит неуверенно:

— А в общем, конечно, мечтаю поехать, посмотреть. Говорят, на действующей модели сельской ГЭС на выставке работают человек, который видел Ленин вместе с ним в турбинном зале первой сельской гидроэлектростанции... Вот повторить бы с ним!

Они теперь улыбаются оба и думают о том, что великое дело Ленина живет, что они, комсомольцы, будут свято выполнять его завет.



Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Директор павильона «Сельские гидроэлектростанции» П. Н. Игнатьев (справа) рассказывает группе студентов Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства об устройстве автоматизированной ГЭС.

Фото В. Сметанни.



Владимир ТОЛСТОЙ,  
наблюдает искусствоведческие науки

## СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД

Фото Я. Халипа.

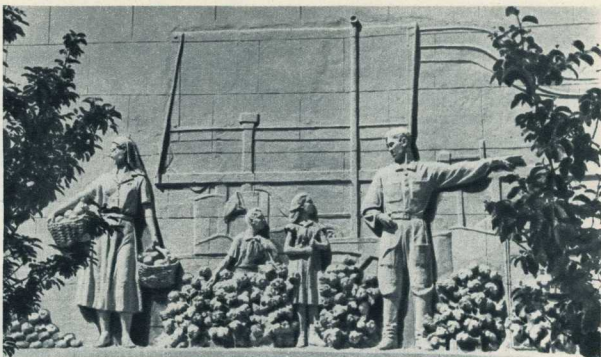


Деталь витрины в павильоне  
Казахской ССР.

Еще издаലെ над гранитным входом. Веселой сельско-хозяйственной выставки видно поднята высоко в синее небо скульптура — мужчина и женщина, поднявшие над головой снопы. Вся поверхность этой скульптурной группы выложена мозаичными кусочками золотой смальты. Издалека создается впечатление, будто фигуры выкованы из чистого золота.

Посетитель выставки, впервые увидев причудливые очертания павильона, сверкающие на солнце шпиль и стелющиеся купола, нелегко испытает чувство, знакомое с детства, — он словно вступает в таинственный и чудесный мир сказки.

Тот, кто был на прошлой, довоенной выставке, вряд ли узнает эти места: так сказочно преобразился их облик!



Барельеф «Изобилие», украшающий павильон Киргизской ССР.

Без преувеличения можно сказать, что здесь легко заблудиться. Обширная территория выставки раскинулась на 207 гектарах — от Останинского парка до Ботанического сада Академии наук и кино-студии имени Максима Горького. Чтобы обойти это обширное пространство, нужно потратить немало времени. Для облегчения передвижения посетителей по территории выставки курсирует по кольцевому маршруту троллейбус. Протяженность кольца — свыше 5 километров.

Однако, несмотря на колоссальный размах выставки и обилие павильонов, во всем чувствуется гармония, четкость, ясность планировки. Здесь много зелени, цветов, водоемов и фонтанов.

Радует глаз богатое архитектурно-художественное оформление павильонов и ансамбля выставки в целом. Под руководством главного архитектора выставки А. Жукова и главного художника Я. Ромаса здесь трудились сотни художников и мастеров народного творчества. Они мобилизовали все свои силы, фантазию, чтобы превратить выставку в настоящий

праздник, в необычайное, торжественное зрелище.

Широкая аллея ведет от входа к Главному павильону. Это величественное 97-метровое здание, построенное по проекту архитектора Г. Щуко, увенчано остроконечным золотым шпилем. В его архитектурных характеристиках яркими, легкими колоннами и стремительными взлетами вверх чувствуется родство с высотными зданиями Москвы и одновременно с лучшими творениями русского классического зодчества.

В Главном павильоне в широкой художественной форме рассказывается об основных зюловоних социализма в нашей стране. Особое внимание привлекают две исторические композиции, посвященные событиям Великой Октябрьской революции. Эти композиции созданы художником П. Соколовым-Скаля. В центральном круглом зале, увенчанном светлым куполом, живописные панно, рассказывающие о правах граждан Советского Союза, закрепленных Конституцией СССР. Панно выполнены бригадой художни-

ков под руководством народного художника СССР А. Герасимова. В этом же зале обращают на себя внимание два панно работы украинских художников С. Отроченко и С. Кириченко. Завершает экспозицию Главного павильона огромный горельеф скульптора Е. Бу-



Скульптура женщины с колосьями у входа в павильон Казахской ССР.



Скульптурная группа у павильона Турменской ССР.



Павильон «Мороженое».



Здесь посетители выставки могут поговорить по телефону, отправить письмо или телеграмму.



Узбекская чайхана.

четка «Знаменосцу мира — советскому народу — слава!».

Интерьеры Главного павильона, его художественно убранный, его скульптуры и живописные панно отличаются грандиозностью и монументальностью, выражают величие и мощь социалистической державы.

За Главным павильоном открывается обширная площадь, во все стороны окруженная разнообразными по архитектуре павильонами союзных и автономных республик, краев и областей.

Над входом в павильон РСФСР — огромная живописная фреска размером в 82 квадратных метра. Широко открыты стеклянные двери видно живописное панно, посвященное альпосельскому гостеприимству русского народа.

Среди других выделяется павильон Украины с огромным красочным витражом в портале. Витраж посвящен историческому событию — воссоединению Украины с Россией. Он выполнен украинскими художниками Г. Боней, В. Давидовым и С. Кириченко.

Войдя в павильон Украинской республики, посетитель сразу же попадает в зал, в котором словно исчезают стены и потолок: кажется, будто вокруг расписаны бескрайние, теряющиеся у горизонта степи Украины, по которым движется праздничное шествие представителей братских народов Советского Союза. Эта огромная роспись, выполненная украинскими художниками, занимает площадь свыше 600 квадратных метров.

Много своеобразных форм наглядной экспозиции применили главный архитектор и главный художник Украинского павильона А. Тацый и М. Лазур.

На фасаде павильона Полявля мы видим оригинально выполненную водосбросную плотину. Каскады воды шумно низвергаются вниз, горят огни в турбинном зале гидроэлектростанции.

Павильон Карело-Финской ССР отличается от других тем, что фасад его почти целиком выполнен

из местных пород дерева. Массивный фронтон здания украшен разным деревянным рельефом. В самом павильоне помещена фигура легендарного рудокопа, вырезанная из дерева скульптором С. Коновниковым.

В павильонах Литвы, Латвии и Эстонии очень хороши красочные витражи, отличающиеся характерными для каждой республики сюжетами и национальным орнаментом.

В центре обширной, вытнувшейся в длину площади, среди зелени и цветов, расположены два грандиозных фонтана (автор — архитектор К. Топуридзе). Один из фонтанов — тот, что поближе к Главному павильону, — украшен шестнадцатю женскими фигурами в национальных костюмах, олицетворяющими собой нерушимую дружбу народов Советского Союза. Полозочные фигуры ослепительно сверкают. В центре



В павильоне Механизации и электрификации сельского хозяйства. Под этим огромным стеклянным сводом экспонируется сельскохозяйственная техника, которой оснащены колхозы и совхозы нашей страны.

их огромный, также возмозоченный сноп. Высоко заходящие струи фонтана образуют причудливые переплетения и узоры. По вечерам они горят всеми цветами радуги.

Другой фонтан — «Каменный цветок» — словно переносит нас в мир сказов Бажова. Огромная чеша цветка переливается на солнце, цотка сделанная из самоцветных камней.

Перспектива павильона, выстроенных вдоль главной оси выставки, завершается монументальным фасадом большого павильона Механизации и электрификации сельского хозяйства. Над всей территорией выставки господствует его полужон на планетерий стеклянный купол. Здесь показана вся наша новейшая сельскохозяйственная техника.

В архитектуре этого величественного здания привлекают прежде всего необыкновенная красота и логичность, конструкции (авторы — архитекторы В. Андреев и И. Тарнов). Несмотря на колоссальные размеры купола, его архитектура не подавляет, а, наоборот, вызывает восхищение здесь человека. Монументальная скульптурная группа «Строители коммунизма», выполненная скульпторами под руководством Н. Томского, выражает силу и гордость советского народа-создателя.

На площади Механизации и электрификации сельского хозяйства находится павильон «Зерно», выполненный в строгих классических формах (авторы — архитекторы А. Жуков и А. Гравис).

Если от площади, где стоит павильон Механизации и электрификации сельского хозяйства, пойти направо, то попадешь в очень интересный отдел выставки — «Новая социалистическая деревня». Здесь мы увидим уютные, сверкающие белозной дома колхозников, двухэтажную школу,

здания сельхозте и правления колхоза, хозяйственные постройки — все, что характеризует облик новой деревни.

Тут же по соседству расположились павильон-кафе отраслей пищевой промышленности: «Главпиво», «Главмолоко», «Главликерводка». Павильон «Мороженое» напоминает огромную ледяную гору, на вершине которой морской лед держит на кончике носа ваочку с пломбиром.

В оформлении этих павильон-кафе художники, естественно, не стремились к созданию монументальной архитектуры. Главное здесь — заманчивость внешнего вида, острота выдумки, привлекающая внимание посетителя своей необычностью.

Самая живописная часть выставки — за обширными, густо заросшими по берегам прудами, где располагаются павильоны, показывающие значение воды в на-



Таим национальным орнаментом украшены колонны павильона Узбекской ССР.

родном хозяйстве страны. Тут можно увидеть и модель судорожного канала, и новинки рыбных промыслов, и стан типки.

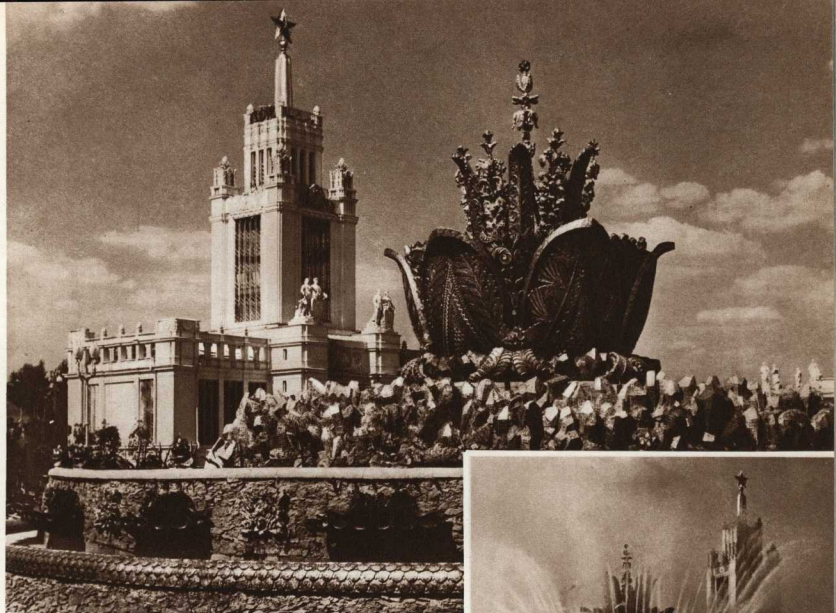
Посреди одного из прудов — декоративный фонтан «Колос».

Очень эффектно применена в павильоне Водного хозяйства (автор внутреннего оформления — Д. Фомин) живопись светящимися красками.

На выставке есть обширный Зеленый театр, несколько открытых эстрад, кинотеатр. Все сделано для того, чтобы посетителям выставки было интересно, удобно и весело.

«Всеобщая выставка сельскохозяйственной выставки демонстрирует перед всем миром достижения советского народа, к которому пришел он под руководством Коммунистической партии. Она свидетельствует о небывалом расцвете науки в нашей стране, о неразрывной связи ее с производством, о росте техники, о богатстве многонациональной социалистической культуры. И главная — она ярко показывает результаты творческого труда миллионов колхозников, работников совхозов и МТС.

В создании величественной красоты выставки большой труд положили советские мастера искусства. Показывая успехи социалистического хозяйства, выставки свидетельствует и о расцвете народного творчества, о развитии советского монументально-декоративного искусства и архитектуры.



Среди множества чудесных сооружений Всесоюзной сельскохозяйственной выставки выделяется своей необыкновенной красотой фонтан «Каменный цветок». Его причудливые декоративные украшения, сверкающие на солнце тобою уральские самоцветы, как бы переносят нас в мир сказок Вайюва. На снимках же сверху — общий вид фонтана «Каменный цветок»; справа — этот же фонтан в действии; на нижнем снимке — павильоны «Уралье» и «Дальний Восток».

Фото Я. Халипа.





Павильон «Юные натуралисты».

Фото Н. Яковлева.

# ПАВИЛЬОН ЮНЫХ НАТУРАЛИСТОВ

На первый взгляд может показаться странным, что организаторы столь нематериального садика удостоились чести поехать на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве. В самом деле, насколько яблоны, вишни, десятки два куста смородины, крыжовника да делянка садовой земляники — разве это уж такое большое достижение для юных мичуринцев! Садика в десять раз лучше есть теперь почти у каждой школы...

Но, оказывается, этот сад — настоящий подвиг юных преобразователей природы. Он соден почти у самого Полярного круга, на берегу реки Вилюй, в Якутии.

Ближе чем за две тысячи километров на юг от села Тойбохой не смещать ни единой яблони или груши.

— А давайте попробуем наперекор всем ветрам и морозам вырастить у нас плодовые деревья, — предложил руководителю кружка юнатов Тойбохойской школы учитель Бессонов.

Начали юнаты с того, что обследовали окрестные места. Побывали в тайге, на прибрежных лугах, на сопках. И всюду искали плодовые и ягодные растения.

Потом разослали десятки писем во все концы страны: юнатам — в Москву и Ленинград, на Уралан и в Ташкент; учителям — в Мичуринск и на Алтай, в Красноярск и в Сочи. В письмах юнаты рассказывали о своем желании укрепить родную Якутию садом, о своих трудностях. Просили прислать семена или черенки. В обмен они предлагали кедровые орешки и семена голубицы — все, чем богаты.

На письма скоро стали поступать ответы — уяснить ящички, шуплые пакетики, толстые бандероли. Из Мичуринска прилетели семена и черенки мичуринских сортов садовых растений. Из Алтайской опытной станции, от Лисавино, прибыли замечательные «сибирские» яблонки, груши, вишни, смородины. Из Грузии тойбохойцы получили чужий виноград.

Она классов и своих домов юнаты превратили в теплицы. Здесь прорастивали полученные семена, укореняли черенки и чубуки.

Лютые якутские морозы жестоко вымораживали в саду ребят все, что не может противостоять стуже. Юные переселенцы гибли десятками. Но кое-что и оставалось. Прижились и победили холода некоторые яблонки. Отлич-

но росли ягодные кустарники, засыпаемые на зиму глубоким снегом. Сад разрастался. Его окружили со всех сторон зеленой стеной из берез, лиственниц и кедров.

На клумбах расцвели пышные георгины и астры, ирисы и гладиолусы. В живом уголке школы отлично ужились павловский лимон и южная пальма. Летом, когда и в Якутии наступают жары, эти «южанки» выставляются в самый центр сада, под открытое небо.

Теперь юнаты села Тойбохой знают, что такое яблонки и вишни, земляника и смородина, не только по виду, но и на вкус.

...На выставке, в красном, почти наполненном сделанном из стекла и поэтому похожем на орнажеро павильоне Юных натуралистов, что расположился неподалеку от главного входа на выставку, показывают свои достижения лучшие из юных мичуринцев нашей Родины.

Юные натуралисты Кузубовской школы из-под Подольска привезли сорт созданный ими новый сорт кукурузы — «кузубовку». Это, кажется, единственный сорт, вполне вызревающий под Москвой.

Из Таганрога юные мичуринцы доставили поразительно хорошие гибриды. Приня помидоры сорта «буденовская» на диний пслен, ребята получили новый сорт помидоров, созревающий на 10 дней раньше «буденовская». Диний «колхозница» была принята на кабанчик. Плоды гибридов от этого вегетативного скрещивания стали созревать на 12 дней раньше плодов диний «колхозницы». А вкус плодов остался прежним.

Юные половеды из Ольховцевской школы



Юнаты Харьковского Дворца пионеров Люда Шпунтова, Гая Руданов, Нина Балашева и Оля Ошоненская на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Фото Г. Ворисова.

Каменич-Подольской области скрещивали кукурузу сорта «еминзот» с «бесбарбарской». Гибрид оказался настолько урожайным, что принес юнатам 102 центнера зерна с гектара.

Из Кирово юнаты школы № 38 привезли на выставку березового шелкопряда. Они заставили гусениц обычного дубового шелкопряда питаться листьями березы. Ведь дубовый в Кирове нег. От нового корма резко изменился вид гусениц, изменился и шпалк: он стал белее, коконы крупнее и тяжелее.

На участке около павильона в волгерах кудачук цуры, пережигаются гуси и утки. Они приехали сюда из Куйбышевской области. Их вырастили юнаты Дубово-Увельской школы. Работа так отлично освоили птицеводство, что в 1953 году помогли соседним колхозам вырастить девять тысяч кур, гусей и уток.

Московские юнаты на онах школ и в живых уголках уже несколько лет выращивают особые помидоры, прозванные «полярниками». Семена их были получены когда-то от полярников с острова Диснос. Там эти помидоры зимовички выращивают на окнах, как комнатные цветы. «Полярные» помидоры в помещенных плодоносят до самого нового года, когда на улице уже устанавливается глубокая зима. Эти дисновские помидоры также выставлены в павильоне Юных натуралистов.

Свыше 27 тысяч юных натуралистов получили право участвовать на выставке по итогам работы за 1952 год. Еще большее число их получило это право за работу, проделанную в прошлом году.

Юным мичуринцам с детства знакомы радости сельскохозяйственного труда, они изучают природу, учатся управлять жизнью растений.

Владимир ЕЛАГИН



Манет гидроэлектростанция в павильоне Юных натуралистов.



Ежедневно Всесоюзную сельскохозяйственную выставку посещают тысячи энтузиастов. С большим интересом знакомятся они с выдающимися успехами социалистического сельского хозяйства. На снимке: энтузиастов А. Гравес с группой энтузиастов.

*Вамоза*

Рисунки А. Паукова.

## КОМСОМОЛЬЦЫ—УЧАСТНИКИ ВЫСТАВКИ

Среди многих тысяч участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки достойное место занимают сыновья и дочери Ленинского комсомола, молодые строители коммунизма. Их богатый опыт широко показан в выставочных павильонах. О них, паровых юношах и девушках молочно-дойной деревни, много интересного и поучительного рассказывают энтузиасты.

— Кто не знает в Краснодарском крае комбайнера Курганинского ИТС комсомолец Константин Соронин? По всей Кубани с гордостью говорят земляки о его патристических делах. Дорым словом поминают Соронина и в далеком Казахстане. Особенно благодарны ему за помощь кол-

хозники сельхозартели «Социализм», Антюбинской области, где за двадцать рабочих дней Константин Соронин своим комбайном «С-8» убрал 715 гектаров колосовых и намолотил 8 741 центнер зерна.

Бригадой животноводческой бригады комсомолка Клавдия Брусова, работающая в совхозе «Рационализатор», Новгородской области, добилась среднего уроя на намятую фуражную корову 4 254 килограмма молока. Еще лучшим результатом достигла комсомолка Зинаида Иванова — доярка совхоза имени Фрунзе, Кизиль-Аскерского района, Маргжской ССР. Она надоила на 1 301 килограмм молока больше, чем Клавдия Брусова.



В таких просторных, светлых и ровных помещениях крупный рогатый скот, экспонирующийся на выставке.

Об ухарских поступках подручного горнового комсомольца Ивана Завалдаева секретарь заводской комсомольской организации Гречухин слышал уже не раз. И вот он решил устроить с ним разговор по душам. Секретарем Гречухин стал недавно и надеялся, что ему легко удастся повлиять на несознательного парня.

— Присядь, Гречухин ожидал, что Завалдаев робко войдет в комнату, разоткровенничается, может быть, даже заплачет. Молодой секретарь слышал, что так часто бывает. Но в комитет ввалился подвыпивший, небритый парень с палирской в углу рта и, наговорок смерти секретаря взглядом, сказал: — Сын собственных родителей Иван Завалдаев.

Гречухин растерянно переглянулся с членами комитета, зачем-то раскрасил ладони с бумагами, снова закрыл ве и смугл в ящик стола.

— Мы вызвали тебя по важному делу... Побеседовать нужно, по душам поговорить...

Гречухин с трудом подобрал слова и сам чувствовал, что не с этого надо начинать. — По душам, значит? Это интересней! — ухмыльнулся Завалдаев и сел на стул, повернувшись спиной к столу.

— Слушай, Завалдаев,— начал было один из членов комитета,— ты вообще-то понимаешь, что послышь всю нашу комсомольскую организацию?

— Как не понимать, на мальenkий!..

— Не палинсий, ты не в палинсий,— нахмурился Гречухин.— Тебя позвали для серьезного разговора. Ответь лучше, когда думаешь по-настоящему за работу взяться, когда пить бросишь?

— Вот это конкретный разговор!— делано оживился Завалдаев.— Люблю, когда задают такие вопросы. Пить брошу с завтрашнего дня! двинут кончилс.

— Нет, в самом деле, ты хочешь, чтобы тебя с завода уволили?

— Я ведь сказал, что пить брошу.

— Ну, хорошо, Завалдаев. Им верим тебе, иди и постарайся исправиться, поступи в вечернюю школу...

После ухода Завалдаева члены комитета еще долго обменивались мнениями, но все чувствовали какую-то неловкость.

А когда Гречухин возвращался домой, он увидел Завалдаева у пивного ларька. Нарочито громко, чтобы слышал Гречухин, Завалдаев сказал продавщице:

— Налей-ка еще полтораста граммов микстур, последний день пью...

\*\*\*

Утром Завалдаев вышел из обсерватории и остановился на крыльце. Завидя идущего на работу мастера доменного цеха Ефима Степановича Худякова, он приступил кابلукам и несмелою отпротривал:

— Докладываю вам, товарищ мастер, что по сласти здоровья присутствовать на верхней вам домне не смогу!

— Бить тебя, Ванька, некому! Когда уж я от тебя избавлюсь!— хмуро пропротривал мастер.

Придя в контору, Худяков позвонил начальнику цеха и сообщил о поведении подручного горнового.

— Увольнять надо,— коротко ответил начальник.

— Я бы давно избавился от него, да вот Греучин говорит, что мол, воспитывать нужно.

Начальник цеха, закончив разговор с Куяковским, сердито крутил ручку телефона, вызвал Греучина:

— Вот что, дорогой начальник комсомола, дальше держать в цехе такого разгильдяя и прогульщика я не стану. А вы сами смотрите, удобно ли ему ходить с комсомольским билетом в кармане.—И начальник цеха сердито бросил трубку.

Греучин направился в общежитие, думая о том, как начать разговор с Завалдаевым. Подходящих слов не находилось, и от этого он досадовал на себя.

— Здравствуй, Дмитрий! — оклинули его.

Греучин, близоруко шарая, стал оглядываться, а приближающегося щегольчатого парня с чемоданом в руке. Это оказался Аркадий Бородин — мастер доменного цеха, комсомольский активист, который возвращался из отпуска.

— Ну, рассказывай, как вы тут живете! Что новенького? — расспрашивал Аркадий.

— Хорошего мало... Придется, видно, Завалдаеву из комсомола... Тут Дмитрий прочертил рукой в воздухе выразительную кривую и коротко рассказал о всех «фокусах» Завалдаева. — Постей, постой!.. Выходит, вы его, как забрекованную чушку чугуна, в сторону! И все!

— А что же прикажете делать? — Аркадий щелкнул замок чемодана, достал большое румяное яблоко и сунил его в руку Дмитрию. Они уселись на лавочке возле общежития.

— А ты не поминши, как я тоже фокусничал, вроде этого Завалдаева? — спросил Аркадий.

— Помню... Томе заноса в мозгу торчала! — Вот-тог, заноса — подтвердил Аркадий. — Между прочим, у нас с Завалдаевым много общего. Мы ведь с Иваном в одном ремесленном училище. После учебы я хотел остаться в городе на новом заводе, и Завалдаев тоже. Меня направили в поселок Старорульск на эту дачу, которая служила еще графу Шувалову, потом и Иван сюда же попал... — Ты это к чему?

— А вот слушаю. Показалось мне обидным: почему не оставили меня в городе! И так я не возоблю эту старую-дачную, что даже не замечал: ведь от прежней, старой домы одни только кожане остались, а все остальное-то новое. Как только начал прилично зарабатывать, принялся пить, изображать из себя обиженного судьбой человека... Не знаю, да чего бы я дошел, если бы тогда с Еленой не познакомился. А у Иванов нет такой девушки. И другой



хороших нет. Правда, каждый считает своим долгом читать ему нравосюжеты, которые он «мелочными» называет. А ему крепкая рука дружка в Чугуеве. Чувствую, чувствую... кривал головой секретарь.

\*\*\*

— Надоел мне этот Завалдаев хуже горькой редьки, — сказал директор завода, когда Аркадий и Дмитрий заговорили с ним о поступках горнового.— Каждый день толку и слышится: Завалдаев пьянствует... Завалдаев дерется... Завалдаев окна бьет... Да что на самом деле за личность така! Тюрьма по нему плачет!

— Меня тоже когда-то чуть ли не судить хотели, а вы помогли мне, и видите, на пользу пошло... — улыбаясь Аркадий.

— О той же дело другое. Ты хозяин своему слову. Скажи — отрезал!

— Разрешите мне взять Завалдаева в свою смесу... предложил Аркадий. — Думано, что в комсомольской смесе мы сумеем взять его в руки.

— Ну что ж, берите, воспитайте! — махнул рукой директор. — Только боюсь, как бы он смесу передовую не развалил.

— Меня еще одна просьба... — обратился Аркадий. — Разрешите коты بنا в время поставить Завалдаева горновым.

— Что-о!!

— Всею ответственность беру на себя.

— Ну, раз берешь на себя... берн. Только смотри: печь угорбиш — не прощуй!

\*\*\*

Завалдаев в ботинках и пиджаке лежал на кровати, дышал палпирсой. В общежитии ничего не было: все ушло на работу. Была тихо и тихо. Болела голова.

«Плавку скоро выпустят начиту», — подумал он, взглянув на часы, и ему стало еще тоскливее. Он встал, вышел в туалет, хлопнул по подушке, в душе ругая себя... «Удуо получается... Грозятся с завода выгнать... Вот дурак!». Потом вдруг вспомнил маму и притих. Мать живет в городе с младшими братьями и сестренкой. Помочь бы надо им, но ни копеечки не осталось. Тяжелые дуны одолевали Ивана...

В это время в комнате появился Аркадий. Поздоровались. Помолчали. Иван настроенно покосился на Аркадия, а тот внимательно глядел на его полмотое лицо, на всклокоченные волосы.

— Умылся бы хоть... Опух весь, смотреть противно.

Иван взглянул в зеркальце, висящее над кроватью, ухмыльнулся:

— Личность для обозрения, действительно, мало привлекательна.

— Ну, вот что, Завалдаев, ханит тебе «льцаря» изображать, — начал Аркадий. — Выходи завтра работать в мою смесу.

— В твою смесу! — удивился Завалдаев. — Шутник! Ты же смесу комсомольскую, передаваешь, но до двору я ваю.

— Ерунда тебе разная в голову лезет. Выходи работать — и все. Я Николая Федоровича просил перевести тебя к нам. Он согласился. Завалдаев ничего не ответил и только принялся часто-часто затягиваться папирсыным дымом.

\*\*\*

Как и полагается мастеру, Аркадий Бородин пришел в цех задолго до начала смены, однок Завалдаева он уже застал около печи. Чуб у Ивана торчал над правым глазом; очки, как украшение, прицеплены к козырьку кепки. Ни секунды он не стоял на месте; сверлил, что-то напевал, подкашивал к печи инструмент... Завидев Аркадия, он сразу сделался серьезным и, поздравляясь, нерешительно сообщил:

— Вот, поглядите, как я работаю.

— Готовясь, коротенько готовясь. Сегодня будешь работать горновым. Хватит тебе в подручных болтаться... А очко, товарищ Завалдаев, выдуйте для защиты глаз. Горновому это должно быть обязательной процедурой, — сказал Аркадий и направился в контору принимать смесу.

Часа через два в контору явился Завалдаев. Чуб у него был убран под кепку, очки над глазами.

— Литейный двор к выпуску подготовлен.



товарищ мастер! — доложил он.— Идите, проверяйте.

— Проверять? Почему я должен проверять! Тебя разве не научили в ремесленном и на заводе, как к выпуску плавки готовиться!

— Да я так, для порядка, — пробормотал Иван и вдруг весело добавил: — Ну что ж, коли так, работем!

Он не скитаясь, как обычно, с двумя свистком по перилам железной лестницы, а степенно спустился по ступенькам и скомодавцу!

— Все по местам! Начинаем выпуск!

Торопливо забрелач старинный медный колокол, с урчанием взрезался в закурывавую летку бур. Вскоре из летки выполол жик червячок яркого металла.

— Стоп! — поднял руку Иван.

Но подручный замешкался, и бур продолжал проговариваться глубоко печи. Иван резко повернулся к подручному. Казалось, что сейчас он обругает его последними словами, но он только нахмурился и сам, странно-тихо равновушился, скватился за переклопачатель.

Фонтаном искр брызмет вырвавшийся из печи металл. Колелебает сизая дымка над канавой, по которой струится шлак. Буллит и облизывает на ходу обурованные глянкой бои канавы бегущий в изломанцы чик. Среди зтих искр, среди живого зарева левко и старельно орудуют люди, подчиняя своей воле ослепительно яркий поток металла.

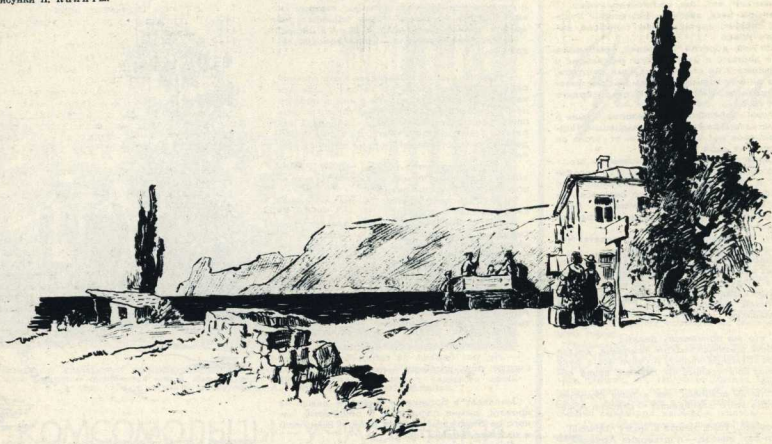
После смены Бородин и Завалдаев пошли домой веселе. Иван шагал молча, не торопясь, курил.

— Устал, Иван?

— Есть немного...

Возле пруда Иван тихо сказал: «Понак!» — и пошел по берегу. Аркадий не остановил его и ни о чем не спросил. Он знал, куда направляется Иван. Там, в дальнем конце пруда, стоял старинный-престарый тополь, корявый ствол которого пестрил вырезанными на коре фанклиями, именами, любовными признаниями. Всяк, кто бывал здесь, оставлял о себе память на старом дереве. А так как бывали под ним почти все последние любовники и разлюбленные, то дереву доставалось сильно. Земля под деревом была плотно утоптана, от этого некоторые суеви его засохли, но их еле заметно было в своей шестнадцатой стели. Тополь жол. Бондо, крепко был главный корень, питавший его.

Под этим тополем когда-то сидел и думал Аркадий о своей судьбе, здесь он первый раз поцеловал любовную девушку. Сюде-то и направился Иван Завалдаев. Пусть идет! Ему тоже есть о чем подумать.



Константин МОИСЕЕВ

## ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Рассказ

1

На конечной остановке трамвая за огородами было видно море. Аня с матерью, Маргаритой Ивановой, поставив у ног чемоданы, ждали автобуса, чтобы ехать дальше, за город. Напротив, через дорогу, перед районным отделением милиции, подняв облако пыли, останавливался грузовик. Когда пыль спала легким ветерком, Аня увидела: в кузове стоят два бойца с автоматами; третий человек сидит на дне кузова; видна только его появившая шерстяным шарфом взлохмаченная голова.

Аня очень удивилась, когда поняла, что человек, сидящий в кузове машины, и есть тот диверсант, о котором так живо говорила в очереди пожилая женщина в козылке. Заслоняясь от солнца маленькой загорелой рукой, она неторопно рассказывала:

— Это у нас его ночью утречком захватили... Соседа моя вывели раненко кхови в стадо спроводить. Идет по тропке и видит по дну оврага от моря человек пробирается. Пробирается, а сам смотрит вверх на нее. Она отвернулась, а как вышла в горы—тут как раз старая каменоломня,— взглянула, а он опять стоит. Она вроде за козлов, и в сторону... Он за нее. Видно, испугался, думала, разгадала его. Идут друг за дружкой. Вышли на обрыв. Кругом ни души, а тут еще круча такая, что упали бже, и море внизу. Она и говорит ему: «На работу сподвесьте...» Он усмехнулся: «Верно». Так и разошлись. Отшла она немного и одумалась: что же это я ему такое сказала?—Посмотрела строго на обступивших ее слушателей, женщина вдруг повысилась тон:—А что? Могла б и жей! Схватилась она за голову, обернувшись, глядит ему в спину, уйдет, уйдет!

А впереди, за дорогой, роща, а там—сады, а дальше—город. Ищи-свищи! Потеряется среди людей. А времени нет, хоть стой, хоть беги! Она как закричит, как закричит! Повискаливыли мы, смотрим, а тут эти хлопцы наперерез,—она кинулась на автоматчиков.— Не успел он ее застрелить...

Подосел автобус. Ожидающие стояли на посадку.

— Значит, жива?—спросила кто-то бодро.

— Жива!

— А кто она?—спросила Аня через чье-то плечо.

— Да никто! Человек обыкновенный!.

Соседа моя.

Аню удивил и взволновал этот рассказ. Она с отвращением и страхом наблюдала человека в кузове машины. Он сморкался, простудно покашливала, заборманив кутая шею в воротник пиджака. «Еще и здоровые бережет!»,—подумала Аня, стыдясь злорадного чувства, поднимавшегося в ней. Ей было странно видеть человека под стражей. Все, что она слышала когда-либо о диверсантах, было для нее таким далеким, а хорошего в ее жизни так много, что это далекое совсем не мешало ей жить счастливо...

За окном автобуса среди яркой зелени маяли санатории и пионерские лагеря. Аня и ее мать ехали гостить к тете Софье Ивановне недалеко на две Десятилетки окончила, специальность определенная институту, по окончании которого она будет работником торговли. Аня, получив аттестат, радовалась свободе и полному бездумию. Даже об Андрее не вспоминала. Андрей—пограничник, рядовой, служит здесь недалеко отсюда. Познакомилась она с ним в прошлом году, когда так же, как и в этом году, только ее матери, гостила у тетки. Потом они переписывались. Но зимой он как-то странно и неожиданно за-

молчал. Аня переживала, как казалось ей, больше из самолюбия. А сегодня, после этой странной встречи на дороге, почему-то все думалось об Андрее, о его трудной службе, и то, что она по настоянию практичной матери соглашалась работать в области торговли, ей хотелось назвать младшим. Мыслей было много, и все казалось труднее, и Аня, вздохнув, решила: «Жизнь—не штука». Так часто говорила мать.

Было еще утро, когда они приехали на место. На траве лежала роса. Тетка, худощавая, болезненная и добрая женщина, стояла на крыльце, всплескивала руками и все повторяла: «Дождялось... Дождялось... Муж ее, железнодорожник, был в поездке. Младенький хохматый пощик ходил вокруг, льстиво повизгивала, фыркала, мотая головой. Взойдя на веранду, Маргарита Ивановна присела на первый попавшийся стул и, отдуваясь, стала вытирать платком полное красное лицо. Пока она расквашивала сестре о дороге, Аня помчалась в садик. Жасминовая ваза была белоснежной. Пригibasь под ветками и переступа лаубы. Аня обжала весь небольшой садик и вернулась порозовевшей, веселой. Все снова казалось простым и легким.

Маргарита Ивановна, распрямившая выногаюса сестру об Андрее, поглядывала через окно в комнату, где дочь, напевая, одевалась. Красное латте с белыми цветами стало ей коротко. Перед поездкой на юг пришлось втачать в подол широкую белую ленту и пустиль такую же отдедку на рукава и карманы.

— Да, выросла, совсем взрослая у меня дочь,—вздыхнув, сказала Маргарита Ивановна.—И свежа, как роза... Боже, как мы стареем!

— А он парень ничего,—вторюна ей сестра,—видный такой из себя...



Платье, хоть и короткое, Аня пранится. Она старинная складка, а бусы колокольного подвоя, и наклоню глазу, старается пристроить в волосах белую ромашку. На шею у Ани нитка красных бус — дешевые, стеклянные. Среди бус небольшой краб, вырезанный из сминки. Аня отлучила его в подарок от Андрея и не знала, сколько матери пришлось пережить из-за этого кусочка дерева. Маргарита Ивановна в больно набивала, как этот краб была пристроена на пологонном краешке бахды, в изгибе среди пестрых и серых камешков лежали агини красные бусы. Бахды стояло то на столе, то на окне среди шветов, и Аня уверяла, что это красиво и напоминает ей море. Этот краб висит на стене, а лежал на черномом приборе, и фотографировалась Аня только с ним.

Дядя Маргариты Ивановны краб стал вполоснением за, и теперь ей совсем не хотелось бы встретить этого молодого человека в военной форме, которому она такой напечатала «Оставьте мою дочь...» и «Вы не пара...» Ну что в самом деле, почему она не может воспользоваться правом матери, наконец, протозволосать... Маргарита Ивановна энергично рассмеялась, и Аня и Софья покорно кивала: «Да, да, конечно». Аня оделась, собираясь уйти, но мать остановила ее:

— Подожди... Вместе пойдем.

В середине дня наконец вылезал на пляж. Все было, как в прошлом году: с моря дул упрямый ветерок, искрилась морю, кругом тихо, сухая трава, сусличий шест да ласточки. Аня, отстав от матери и тетки, убежала на холм. Оттуда хорошо была видна отнесенная стена обрыва, по которой галки и котурны выискивали двойка и разминство «А». Огнянувшись на мать, Аня по шлам, размытой дождями в обрыве, лепаясь за кусты, вскарабкалась наверх, к капитану. Здесь, под этим выключком, шла морская просторная год назад, в день агиного отъезда, они стояли вдвоем. Аня была в этом же платье. С моря дул холодный ветер — рыбки называют его «низовкой». Он трепал агиню платье, заставляя подол воруку ног. Над головой металась густая агиня, слышались шумела, как прибой. Аня смотрела вдал, навстречу ветру, а там было только синевенное, встревоженное ветром море. Они трогали, вернее, выкрикивая против ветра, что-то встревоженное о море, о буревестниках, о служении Родине, и Аня уверяла, что непременно будет биологом и будет изучать море. Потом молчали. Потом Андрей протянул руку, раскряса ее, и Аня увидела самшитового краба, схватива его и зажала в своих ладонях. На прозытальном ветре стало тепло-тепло. «Не забывай простого солдата и вечное море», — сказал он над ухом. Все в мире было так необыкновенно... Где он теперь? «И море мне не изучать и не видеть его», — грустно думала Аня, спускаясь по крутой тропинке.

Софья Ивановна, придерживая юбку, бродила вдоль берега. Софья, Маргарита Ивановна, растаяла полоннице на гуревных камнях и устраивалась под зонтом — купаться она еще боилась, — с подозрением поспрашивала на пригнувшую дочь.

— Ты о чем все задумываешься? О нем? — Нет, мимолетка, — сказала Аня, потянувшись в ту сторону, где высоко на каменной стене выдилось «А». — Я об оево... Знаешь, торговля, я понимаю, конечно, — это нужное и уважаемое дело, но и не об этом мечтаю...

— Ничего. Умей устраиваться...

Мать всегда так говорила, и с минуту же твердила, а он сердился. Аня попыталась мягко возразить матери:

— Но ведь это очень серьезно... На всю жизнь...

— Еще не хватало! — рассердилась мать. — Дядя того и тебе учи? Не забудь!

Тон матери обжгла. Было темнее, от нерешенных вопросов и сомнений. Хотелось говорить откровенно, заглянуть в будущее, придумать что-то...

А море было спокойным и радиоплутным; оно дремало под солнцем и агиню нежало. Аня посмотрела в его безматкую даль и, вздохнув, стала раздеться...

2

Прошла неделя. На агиню письмо Андрей не ответил. Девушка не знала, что и думать. Дни стояли знойные. По вечерам взрослые и дети из соседних домов сидели у дороги на откосе кивата, в густой траве и разговаривали. Дети уже пранили к ней. Она покровительствовала им, особенно малым. Уже надоедала однообразие. Все чаще Аня вспоминала подругу, школу; ей хотелось увидеть женщину, задержавшую агинерства, хотелось домой. Только и страда была, что купаться в море.

Купаться как-то, она потеряла бусы. С ними на дно пошла и самшитовый краб. Потери конечно, расстроила Аня. Вечером, загляну в тремко, она обнаружила на шее светлый след. Со странным чувством нежности она потрогала его рукой и с того дня стала появляться шею косынка. Она берегла этот след, как берегут искус, упрямство агиню.

В воскресенье, когда шла на пляж, Маргарита Ивановна заметила это и заболтливо спросала:

— Ты что? Горло болит?

— Нет... Хочу, чтобы шея не загорала. Краснело!

Мать поглядывала внимательно и догадалась: краб!

— Что же он молчит, твой кавалер? — спросила, явно стараясь угодить дочь. — Видно, не больно ты ему нужна.

Аня с удивлением посмотрела на мать: «Откуда она знает? Чтобы скрыть смущение, она пошла по тропке вперед. Солнце стояло высоко. Пахло травками и морем. Дорога тянулась вдале берега. Над головой носились ласточки и стрижи — они во множестве жали в галитных обрывах. На сухом бугре ребята из агинерского лагеря выживали сусликов из нор, зваливая их водой.

Ане было грустно и одиноко. Она подошла к детям. Из наклоненного ведра морская вода с водорослями широкой струей алаась в дыру. Загорелый мальчишка, заглянув в нору, зародило проморгать.

— А... Не нравится? Давая еще!

Аня горячо сказала матери:

— Вот видишь, даже дети хотят приносить пользу! Я из тебя человека хочу сделать! Чтобы ты все место в жизни нашла. А ты мне такое! Да как тебе не стыдно? Что же я, по-тоному, не советский человек?.. И кто это не хочет своему ребенку шуметь?.. Кто тебе не дает, выбирая, но с толком...

Аня видела, как округлилась глаза матери, и, уже отходя от ребит, слышала рядом ее громкий шепот:

— Я из тебя человека хочу сделать! Чтобы ты все место в жизни нашла. А ты мне такое! Да как тебе не стыдно? Что же я, по-тоному, не советский человек?.. И кто это не хочет своему ребенку шуметь?.. Кто тебе не дает, выбирая, но с толком...

Мать, нервно откинувшись зонтик, глаза у нее покраснели, и она все говорила, говорила жалующимся голосом, обвиняя дочь в неблагодарности. Аня почти не слушала. Она давно все это знала. Ей было горько, что мать ее не понимает.

Раздвинув, Аня вприпрыжку побежала по мокрому, твердому песку и, вздрагивая, вошла в прохладную воду. Плыла она долго и все размышляла: странные эти взрослые, они все думают, что мы малы и глупы. Андрей не отмыкается, краб потерял, и хорошо бы на большом корабле объехать все дальние моря...

Мысли ее текли ровно, как движения тел. Огнянувшись — невдалеке на шестак рыбацкая сеть, а берег виден узкой полоской. Отдыхала на спине. Вверху — синее небо, и в нем облака. Тихо. Аня закрыла глаза и представила себя в батисфере, на дне моря: море наклонитово видны подводные скалы, сквозь густые водоросли плывут, поблескивая, рыбы: агиню проектора она ошупывает дно и находит свои красные бусы... Ей вдруг стало страшно от ощущение бездонной глубины. Что-то всколыхнуло ее, вылезла всплеск, она открыла глаза, поперунулась на бок — к ней приближалась рыбацкая лодка. Седой старик поднял весла, оно пропало над ее головой. С веса капало. Аня поплыла в сторону, где бы ей не мешали думать о будущей жизни.

3

И все-таки он явился...

За минуту перед этим Аня плыла невдалеке, то исчезала, то появлялась на гребне волны, и совершенно неожиданно Маргарита Ивановна увидела свою дочь в красном купальнике карабкающуюся на бор





катора. Пограничник в замасленном комбинезоне ткнул ее из воды за руку, а Аня, уплырав клеями в обшивку, помогала себе.

Почти тотчас взревел мотор, за кормой взбурляла вода, и катер ринулся с места. Сердце Маргариты Ивановны будто упало, она опустылась на горячий песок. Катер, накренившись, халявая скулой по воде, уходил в море.

А через пять минут Аня снова была на берегу.

В следующее утро Аня еще издали узнала его — он сидел на той же скале, где в прошлом году они бывали вместе. Ей хотелось побожать туда, казалось, ноги сами понесут, но она небрежно бросила полотно на камни и спросила мамку:

— Засып будешь?

— Нет, так, — ответила мать. Она не разговаривала со вчерашнего дня.

А Андрей уже шагнул к ним широким шагом и улыбнулся.

Маргарита Ивановна без всякого удволения подглядела в зеркале: загорелое лицо, светлые волосы, фуражка надвинута на лоб, под козырьком серые глаза, острые, веселые... Гимнастерка, сапоги — солдат, но на погонах были какие-то помочки... — в значке различия она не разобралась.

У Ани часто заболело сердце, когда она услышала голос матери:

— Ну, хорошо. А учиться вы намерены? — Тот возорпо не скрывая ее отношения к нему.

— Намерен, — сказал Андрей просто.

— На кого же? —

— О, выбрать нетрудно! — весело воскликнула Аня и, посмотрев на Аню, сказала откровенно: — Теперь, после этих встреч с нарушителями гута, на море, мне хочется с ними на другом языке поговорить... Может, поймут...

Маргариту Ивановну смутила сердечность ответа. Она несколько сослазилась:

— Некоторые поймут... конечно...

Аня опустила голову, улыбаясь. Андрей в блаженном простодушии поглядывал на ангину маму, как бы говоря: «Вот, все ясно, и ничто особенного...» Так они и стояли, пока мать не сказала:

— Идите себе... Надо же мне раздеться!..

«Что же это он, в дипломаты собирается, что ли, или во инженеры? — старался сообразить Маргарита Ивановна. Ей уже хотелось сморкнуться... Представительный будет...» решала она.

Андрей и Аня шли берегом, у самой по-

лосы воды. У их ног море омывало камни. В тумале утреннем небе, подернутом дымок, теплалась робкое солнце. Широкая груда моря серебрилась мириадами солдат, отраженных волнами.

Сначала они со странным единодушьем заговорили о своей любви к морю. Говорили об этом настойчиво и долго, как о чести своей, вилком, и наконец приняв и твердому убеждению, что будущее человечество, несомненно, должно жить только по берегам морей и океанов и что вовсе не трудно будет поправить этому обстоятельству экономику страны, Андрей загадала девушке в газла, пытаясь узнать в них что-то нужное ему, и улыбаясь так, как улыбаются парни, когда хотят расположить к себе девушку. А газла Ани чистая не скрывала — из них галдела девочка жадно, познающая мир.

Потом говорили о выборе специальности, но и тут было все ясно и необмысливаемо просто.

— За десятилетку я сдал, — рассуждал Андрей, — время отсаужив, моторы знаю, будь здоров, воляная птица! — И весело спрашивала: — В кубинские степи, может, поедешь?

Конечно, можем! — восклицала Аня с восторгом. — Я на курсы побуду, и все...

— А может, в самом деле на дипломата поучитесь?

— Нашелся дипломат! — усмехнулась Аня. — Молчать уместно, дипломатически...

Почему зимой не писа?!

Андрей хотел воскликнуть: «Как, ты не знаешь?!» — но, взглянув на нее, понял, она в самом деле не знает, — и после раздумья как-то неопределенно ответил:

— Мне показалось, что ты мне не пара...

— Как ты плохо обо мне думал! — в голосе Ани слышалось негодование.

Андрей вздохнул от досады и снял фуражку: ему стало жарко. И тут Аня увидела на левой стороне его головы выбреженные волосы и пожалтевшую марсельку накейку.

— Что с тобой? — спросила она.

Андрей сейчас же надавал фуражку и сказал виновато:

— Перепаало мне маленько на дикх. Продолжа пару часов влопяма. Надо было взять одного... живьем...

— Как влопяма? Вез сознания?!

Андрей кивнул. На минуту Аня вспомнила женщину с козой, человека в кузове и задумалась: зачем приходит они в нашу страну? Пройти тайными тропами в асу,

прокрасться под водой, поселиться среди нас, улыбаясь, говорить с нами, смотреть нам в глаза и, может быть, рассуждать об искренности и дружбе и тут же пригнать нам вред... Хотеть уничтожить то, что мы с такой любовью создаем!.. Зачем?! Она любила всех людей и все чистое, светлое и недомыслила: почему ей, ее сопостепенницам, таким замечательным людям, кто-то может жалеть зла?!

— Нет! — горячо воскликнула она. — Может быть, мне выбрать какую-нибудь мужественную специальность, достойную настоящего патриота?

4

Весь остаток дня Маргарита Ивановна крепилась, молча наблюдая, как дети, когда уверенно и тихо и лугичае восторгом.

— Это что же... все он?.. И почему ты на обед опаздываешь?

Она была готова накричать на дочь,

— Ну вот, я так и знала! — зваловалась Аня и заговорила быстро. — Мы выбрали специальность! Он тоже едет, демократизуется...

— Ты, я вижу, выберешь себе специальность... певачни стирать...

Аня, пожав плечами, вышла.

Маргарита Ивановна легла в постель. Сердцебиение не унималось и не давало уснуть. А когда она на минуту задремаала, ей пригрезилось что-то вроде журавля.

Это «что-то вроде» топталось возле какой-то трибуны, поглядывая на солдато, журавлялся и, как Андрей, простоудшно улыбаясь...

Маргарита Ивановна сейчас же с негодованием проснулась. Встав с постели и изцупывая в потемках дорогу, вышла на веранду.

Аня как-то сразу, свекоз сон удадала, что это мать, погладив ее по плечу, по волосам, сонно и счастьно взвдохнула.

Рукою коснулась щеки — щека была мокрая, — порывисто встала и, обняв мать, пригнала к ней.

Так они и сидели, обнявшись, молча и долго. Ночь была беззвучная, тихая. Потом в тишине гто издали обслало возрагу. Оно быстро нарастаало — астея реактивных самолетов. И снова наступила тишина. В небе крупные, чистые, словно промытые прибором, звезды. Самшнно, как лаво потолоком веранды, за фарковой обшивкой, возмзгало утучие мыши, угадываемые к утру; как попискивают в гнездах в глиняных обрамах птиц, беспokoяе пред рассветом.

— Что же это он... так долго не являлся? — спросила мать, стараясь все еще быть строгой.

— Ранен был, — тихо ответила Аня. — Это он поймал тога, поминш, в машине сидел... Шрам у Андрея такой, что и яresto не могу.

Мать почувствовала, как дочь вздрогнула и как в ней самой, где-то там, где было любовь к дочери, что-то попыало и мягко повернулось теплой стороной к этому парню.

— И ты знаешь, Андрей это все абсолютно ничтоже! — говорила Аня. — Смеется, ну как вот те ребята, что суаиков ловят...

Маргарита Ивановна осторожно спросила:

— Ну, а зимой почему перестал писать, не говоришь?

— Нет, не говоря, — сказала Аня, и чувствалось, что мысли ее далеки.

Мать вздохнула и снова спросила:

— Ну, а... что же вы теперь?

И с тревогой, напряженно жадела, глядясь в светлое пятно аиншой сорочки. По дышанию она поняла: дочь смотрит на нее. Потом аинго голо прозвучала из темноты:

— Ничего... Учиться поедем.

Мать поняла: дальнейшее скрыто от нее и принадлежит только им двоим: Аня и Андрей.

Так они и сидели, обнявшись, и смотрели в ночь, в медленно таущий мрак, и тишина казалась спокойной и прочной.

г. Киев.

# УЗЕЛ СТАЛЬНЫХ ПУТЕЙ

Фото А. Моклецова.

В середине дня Якову Михайловичу Кондратьеву позволили на работу со станции Сортировочной. Секретарь партийного комитета просил его рассказать молодежи о первом коммунистическом субботнике. И пока Кондратьев ехал в электричке из Москвы, память воскрешала незабываемое прошлое, воспоминаниями о котором ему предстояло поделиться.

Тридцать пять лет минуло с тех пор, но Яков Михайлович отчетливо помнит, как апрельской ночью 1919 года вышел он из депо. На пути было тихо, будто вымерло все. Не пропоеет дулка стрелочника, не отключается ей мощный ревом маневровой паровоз. Под ногами мусор, мокрые рельсы уже тропила ржавчина.

Долго стояя в раздумье Яков Михайлович и вдруг услышал из-за депо замирающий, слабеющий гудок паровоза, — видно, не хватило пара в котле. Кондратьев почувствовал, как тоска сжала сердце. С особой отчетливостью понял



Машинист Игорь Шешевя принимает паровоз «Л-153» от старшего машиниста А. Игнатова.

он тогда всю величину надвинувшейся на страну опасности: голод, холод, Колчак...

А через несколько дней на пути стали два эшелона. Из телушек выскочивали матросы, рабочие, перепрыгивая через рельсы, бежали размыскивать станционное начальство:

— На Колчак едем, когда отправлять будете?

Но на всей станции не было ни одного исправного паровоза.

Вот тогда-то комиссар депо слесарь Иван Бураков созвал коммунистов. Пятнадцать человек собралось в служебном вагончике: четырнадцать коммунистов и одна сочувствующая, Ксения Кабанова. Это было в субботу, пятого апреля 1919 года. Коммунисты выслушали Буракова и решили остаться после работы в депо и сверхурочно отремонтировать четыре паровоза.

Они разделились на две бригады. Одной руководил Бураков, другой — Усачев. У большинства коммунистов, как и у Кондратьева, не хватало технических знаний. Правда, в депо

работали и инженеры, но когда к одному из них обратились за техническим советом, тот, разглядывая розовый ноготь мизинца, ответил издевательски:

— А вы читайте Маркса. У Маркса сказано, что пролетарий должен сам для себя построить новый мир.

Коммунисты молча приступили к делу. Было два часа дня. В депо горели костры, бросая отсветы на лица, на черные, холодные паровозы. Работалось горячо, легко и радостно. Люди увидели, как светлеет, ярче стало пламя костров, и тогда только заметили, что пришла весна.

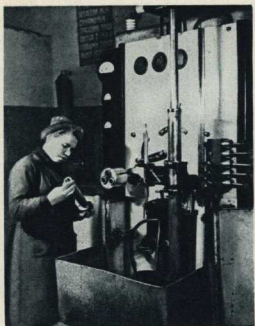
В десять часов они вновь собрались в служебном вагончике. Здесь Ксения Кабанова уже вскипятила чай. Посидели, спели «Слезамі задля мнѣ безкровній, ає наша жінка — гажельний труд...». Но именно в этот день каждый из них впервые по-настоящему испытал радость свободного, творческого труда.

Тем временем в депо растащили паровоз, он выехал на путь, и машинист дал свисток. Все, кто был поблизости, сбегались смотреть. Потопил все другие звуки, над станцией стался мощный рев.

В шесть часов утра следующего дня из депо вышел еще один паровоз. Его проводил пением «Интернационала». Когда он был прицеплен к эшелону, на пути возник короткий митинг. Яков Михайлович рассказал уезжающим на фронт о субботнике.

В этот воскресный день шестого апреля коммунисты депо Соуртровоича, Московско-Казанской железной дороги, поставили продолжить субботники до победы над Колчаком.

А через месяц с небольшим, десятого мая, состоялся первый всесоюзный субботник рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги. Водь революции Владимир Ильич Ленин увидел в этом субботнике пример сознательного, коммунистического отношения к труду и назвал его Великим почином.



...Задача Анн — придать детали особую прочность.

...С высоты перекидного моста вая станция Сортировочная видна, как на ладони. Бесит на утреннем солнце множество рельсов; то сбегаясь вместе, то расходясь на стрелках, они ведут в дальнюю даль. На путях тесно, бок о бок стоят товарные составы, изодолженные гостями каждой станции.

Вот выдрогнул один состав, гром и лязг буферов прокатились от вагона к вагону; мягко, плавно тронулись с места колеса. Состав ушел, а мажорный паровок, пытая, уже раскатывается по путям платформ и вагонов, формирует новый...

Каждое утро, проходя по мосту на работу, Аня Хренова видит эту деловую суету на путях. И если случится, что в ту минуту локомотив пробегает вагоны с мокрыми от росы покатыми крышами, Аня задерживается у перил, прожоя глазами поезд, уходящий в дальний путь. Вот на открытые железнодорожные платформы со спруженные машины. Сейчас они пассажиры, к их ногам скатом еще не прилипла дорожная пыль. Спусти немного времени где-нибудь в Казакстане они сойдут с платформ и уже своим ходом отправятся в трудовую жизнь. Едут на Алтай оселки, культиваторы. Только что с Люберецкого завода, новенькие, покрытые голубой краской, они рядками стоят на платформах. Много станций, переволов, полустанков на их пути. И в конце они будут рады выйти на ремонт, а выходя из же, что и у Ани, мыслят: эти сылками предост бросить семена в распаханные целинные земли.

Аня входит в ворота депо. На поворотном кругу медленно равновесивается паровоз. Он вышел из ремонта, и жар, выходящий от его крупного черного тела, Аня издали чувствует на своей щеке.

В жизни каждого паровоза неизменно наступит день, когда он входит в депо на ремонт, и тут его, оставшего, потерявшего способность двигаться самостоятельно, ремонтники разбирают по частям. Люди залезают даже в его топку, где еще недавно яростно бушевал огонь. Часты паровоза путешествуют по цехам. В цехе работает Аня Хренова, они попадают на закладку. Аня — термист. Ее задача — придать детали особую прочность. Во времена первого коммунистического субботника, когда в депо работал Яков Михайлович Копытьев, не было еще на свете ни Ани, ни ее цеха. Эту работу выполняли кузнецы вручную.

Какие перемены произошли на Сортировочной за эти годы! Аня заметила не только в громадном росте грузотока, в новых мощных паровозах, в красных вагонах, в автоматизации всех служб железнодорожного узла. Их можно видеть на каждом шагу.

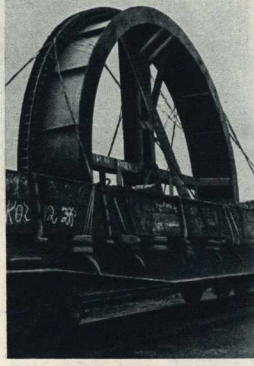
В термическом цехе операция закладки занимает теперь секунды. Для выключен аппарата, и под действием тока высокой частоты синяя поверхность металла на глазах становится



Четко работает диспетчер депо Сортировочная Юля Миронова.

сначала темновиневой, потом красной и вот уже светящейся белой.

Цеху металлизации пошел толстой шестой год; здесь восстанавливают изношенные подшипники. Непосвященному много здесь покажется странным. Мы знаем, что сталь варят, сталь лютят. Здесь же есть свои термины — сталь «дульверизируют» — расплюгуют по поверх-



Самые различные грузы проходят через станцию Сортировочная.

ности детали. Вот Александр Васильевич Санников, работающий в цехе с первого дня его освоения, берет в руки электрометаллизатор, внешне похожий на пистолет. Выключает ток, внутри электрометаллизатора вольтова дуга плавит металл, и из сопла пистолета под напором сжатого воздуха вихрем вырываются искры. Это мельчайшие брикеты стали, стальная пыль, которая разбрызгивается так же, как из обыкновенного пульверизатора одеколон. Если направить пистолет на руку, пальцы постепенно, без ожога, оденутся в металлическую перчатку. Летящие из сопла искры так же холодны, как те, что брызжут с топочного камня, когда точат нож.



...Александр Васильевич Санников выключает ток, и из электрометаллизатора вихрем вырываются искры.

У электрометаллизации большое будущее. Восстановленная этим способом деталь изнашивается меньше, чем новая, потому что напыленный металл порист и хорошо впитывает в себя масло.

Их цех в цех путешествуют части паровоза, постепенно восстанавливая свою трудоспособность.

Каждый из них, прежде чем вернуться на место, проходит множество операций. Год от года эти операции совершеняются все быстрее и лучше: новая техника, облегчающая и ускоряющая труд человека, пришла в депо.

А пока паровоз стоит в ремонте, молодой машинист Игорь Шенев не равно будет справляться, скоро ли выйдет на линию его голубой локомотив.

С этой машиной у Игоря связаны и первые трудности и первые победы. Четыре года назад он впервые повел состав от станции Сортировочной.

Немало подъемов приходится брать в пути машинисту, но всегда самый трудный — первый подъем. Игорь помнит, как, преодолевая первый подъем, его паровоз вдруг задрожал от напряжения, казалось, еще минута — и он начнет буксовать.

В этот момент голубой машинист как бы ощутил у себя за спиной всю огромную, влекущую назад тяжесть состава.

Четыре года водит Шенев поезд на участке Москва-Сортировочная — Рыбное, и хотя вес составов с каждым годом увеличивается, а подъемы за это время не сделались ологими, брать их стало легче. Теперь комсомолец Игорь Шенев встал состав твердой рукой, и бригада курается себя с ним сплотово. Он один из лучших машинистов станции Москва-Сортировочная, водит составы весом в четыре тысячи тонн. Дважды Шенев награжден Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ.

От Сортировочной до Рыбного 176 километров. Здесь Игорь знает каждый метр пути. Глазами человека, любящего свою землю, он часто замечает радостные перемены, происходящие на этих 176 километрах маршрута. Вот появились в деревне Хорошево на новом здании вывеска «МТМ». Эти машинно-тракторные мастерские построены недавно, после сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Строятся МТС в Рамenskом районе и в Подольске. В Луховицах от состава, который вел Шенев, отцепили не только платформы с тракторами, но и со строительными материалами.

...После небольшого перерыва вновь выходит на линию голубой локомотив Игоря Шенева. К нему приближался состав, самовоз укаывает: «Путь свободен!» Комсомолец Игорь Шенев идет тяжеловесный состав, и можно не сомневаться: груз будет доставлен в срок.

Сейчас со станции Сортировочная отправится в дальний рейс титановосный состав. Его поведет машинист комсомолец Александр Чернецов. На снимке дежурная по станции Валентина Пастельгина отправляет состав.  
Фото А. Моклацова.



# РАВНЕНИЕ НА ГЕРОЯ

Машино-тракторные станции получили в нынешнем году замечательное пополнение. Тысячи юношей и девушек зимней околицы школы механизаторов и уже участвовали в весенней посевной работе. Сейчас они работают на уборке урожаев, равнялись на опытных, знавших механизаторов.

Молодым рабочим Восточной МТС Краснодарского края есть у кого учиться. В этой МТС выросло пять Героев Социалистического Труда. Один из них — Дмитрий Иванович Гонтарь — а мае этого года был награжден второй Золотой звездой.

Секретарь партийной организации МТС, беседа с молодежью, всегда говорит: — Равняйтесь на Гонтаря!

Гонтарь принадлежит к первому поколению механизаторов. Он и его сверстники работали на первенцах нашей тракторной промышленности, осваивали первые комбайны, были первыми капитанами степных кораблей. Его с юным правом можно назвать новатором. Он не любит ходить протроженными дорожками. Одним из первых на Кубани он стал работать на уборке по часовому графику. Многим казалось, что вступить в график сезонную работу, как уборка, просто невозможно. Гонтарь доказал — можно и нужно, потому что график дисциплинирует, организует, повышает производительность труда. Дмитрий Иванович до предела сократил время на технический уход за комбайном, твердо, определял обязанности каждого работающего на агрегате, вымерил и отрегулировал машину так, что неполадки были исключены. Он работал и ночью, при электрическом свете, и в сумраке поутру.

Часовой график вошел в жизнь, и сейчас на Кубани всякий уважающий себя комбайнер работает по такому графику.

Гонтарь внес ряд усовершенствований в свой комбайн, что позволило ему с успехом убирать и сырой и полеглый хлеб; установил на своей машине дополнительную очистку и добился того, что потерь зерна почти не бывает. Его агрегат убирает в день 30—40 гектаров, давая при этом очень высокий вымолот. Бывало, что при этом овец высокой вымолот. Бывало, что другие комбайнеры убрали больше, но не было случая, чтобы кто-нибудь из них вымолотил зерна с гектара больше, чем он.

Творческое отношение Гонтаря к труду, хозяйское отношение к машине — служит примером для всех молодых комбайнеров. Переимая



Фото Е. Ивановичова.

опыт Героя, обучаясь у него, многие механизаторы уже прошли хорошую школу. Два сезона работал у Гонтаря помощником комсомолец Дмитрий Малахиха. Сейчас он водит комбайн самостоятельно и за отличную работу награжден орденом Ленина и двумя медалями.

— Стараясь идти на Гонтарем следом, — рассказывает Малахиха, — только это не так-то просто: у Дмитрия Ивановича широкий шаг. В прошлом году на уборке я давал по тридцати пяти гектаров за день, а у него, смотришь, — сорок!

Готовясь к уборке в нынешнем году, комбайнеры Восточной МТС вызвали друг друга на соревнование. Тон задавал Гонтарь. Убрать 400 гектаров за 12 рабочих дней, намолотить 11 тысяч центнеров зерна — такую задачу поставил он перед собой. Герой Социалистического Труда, выросшие в этой МТС, первыми приняли вызов.

Обязательства брали на собрании. Происходило оно в обеденный перерыв в красном уголке. Комбайнеры вставали, говорили свои цифры и называли фамилию товарища, которого вызывали на соревнование. Были среди них такие, что брали обязательства поменьше, не рассчитывая на свои силы, а были и такие, что взяли обязательства, однако от больших цифр пятисази: как бы чего не вышло. Среди таких осторожных оказался и старей, опытный комбайнер Рыбальченко. На собрании сначала его не трогали, и он уже решил, что можно будет

обойтись средними показателями: так-то оно спокойнее. Но вот встал Дмитрий Малахиха.

Я тоже обязуюсь, убрать четыреста гектаров за двенадцать дней и намолотить одиннадцать тысяч центнеров зерна, — Дмитрий смеющимися глазами обвел комнату. — Вызвать Алексея Рыбальченко.

Полдня ободорительный гул, и Рыбальченко ответил, что вызов принимает: неудобно отставать от молодежи.

Кажется, совсем недавно Дмитрий Малахиха помогал старшему брату, трактористу. Дмитрий был мал ростом, не мог сам залезть в радиатор машины, стоял с ведром и ждал, когда подойдет старший брат тракторист. А сейчас Малахиха — один из лучших комбайнеров МТС, мастер уборки, не уступающий многим старым механизаторам.

Гонтарь и его сверстники — первое поколение механизаторов — могут радоваться: оно вырастало хорошей смеей. Молодежь идет их путем, переимая и усваивая не только опыт знатных механизаторов, но и социалистическое отношение к труду, которое олицетворяет передовых людей села, рождает героев труда.

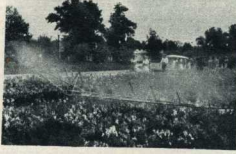
На с ним и к ес дважды Герой Социалистического Труда Дмитрий Иванович Гонтарь беседует с комсомольцами, помощником комбайнера Михаилом Рыбальченко, комбайнером Дмитрием Малахихиным и помощником комбайнера Георгием Кравченко.

Вл. МОНАСТЫРЕВ

## Выездной дождь

Дожди! С какой радостью произносится это слово, когда на поля, иссушенные жарким солнцем, падают первые долгожданные капли! Однако сейчас в колхозах нередко можно услышать серьезный, деловой разговор о планировании дождей. Планированный дождь идет в строго заданном количестве, над тем полем, где необходимо, в то время, когда нужно. И пусть в нем не будет ни одного облачка, роль туни выполняют дождевые установки. Одна из них, дальнеиструнная дождевальная установка для полива овощей, демонстрируется в павильоне Механизации и электрификации сельского хозяйства Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

С помощью этой установки можно напоить влагой целое поле. Сколько труда надо было бы положить, чтобы натаскать



из протекающей неподалеку речонки нужное для поливки количество воды! Но вот

трактор привез дождевальную установку и остановился на краю поля. В ручку спускается специальное водозаборное приспособление. Насос, действующий от мотора трактора, втягивает воду в трубы. И вот из brandспойта хлынула мощная шестидесятиметровая струя, рассыпавшаяся над полям настоящим дождем.

Установка забирет в секунду тридцать литров воды. Нетрудно рассчитать, сколько времени надо поливать участок, чтобы дать ему необходимое количество влаги. Закончив поливку, тракторист везет машину к следующему участку.

— Едет дожди! — говорит колхозник, завидев машину.

Е. СУРОВА



Выпускники лесовосстановительных вузов, уехавшие на работу в деревню, долго будут вспоминать вечер в Большом Кремлевском дворце, где они отмечали успешное завершение учебы и начало творческой работы на благо Родины. На сцене и миксе академик И. С. Скорбин беседует с группой вечерних студентов, ныне молодых специалистов сельского хозяйства.

Фото А. Ватанова.

# Широкое дороги

В. СТРУЕВ, Г. СИНЕЛЬНИКОВ

Почти в каждом высшем учебном заведении нашей страны есть своеобразная карта-схема, на которой флажками отмечены те места, куда получили назначения молодые специалисты. Флажки тянутся сплошной полосой от Белоруссии до берегов Тихого океана, от Кольского полуострова до Арабатской долины.

...Сданы государственные экзамены, защищены дипломный проект. Прощайте, преподаватели, товарищи по курсу и соседи по общежитию! Чего-то с нехитрым студенческим багажом уложен. На дне его рядом с записками лекций, томиком любимого поэта и групповой фотографией однокурсников лежит синяя книжечка диплома.

Начинается новая жизнь.

\*\*\*

Борис Минеев медленно шагает по набережной Москвы-реки. Тюбетка на его коротко остриженных волосах не совсем идет к откровенно русскому лицу, но уж такая сила привычки: Борис долго жил в киргизских селах. В небольшом городке Оше проглотила его юность. Там окончил он сельхозинженерный техникум. Оттуда приехал учиться в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Борис выбрал поведоводческих отделение — ему хотелось стать агрономом широкого профиля.

Сегодня с утра Борис извлек из своего шкафчика в общежитии аккурные стопки учебников и конспектов. Сколько их накопилось за пять лет! Двадцать две тетради! Вот толстая, в зеленом картонном переплете — запись лекций академиком Якушином. Вот альбомчик — лекциями знаменитого почвоведца Бушинского... Борис перелистывает странички, ислисан-

ные убористым почерком. Все это надо взять с собой, может, пригодится.

Пять лет учебы в академии прошли быстро, почти незаметно. Позади последний государственный экзамен. Настало время расстаться с академией с Московской. Борис получил назначение в Кустанайскую область, туда, где поднимают целинные земли. Вернее, не получил, а сам попросил направить его в эти места. Вместе с Борисом уедет много его однокурсники.

Борис и его друзья знают, что дела предстоит им немало. Но трудности не пугают их.

— А тебе не жаль уезжать из Москвы? — спросил как-то Минеев однокурсник Николай Колесников. — Тебе же аспирантура предлагалась.

— Откровенно говоря, — ответил Борис, — Москву покинуть, конечно, жалько. Но я пороботаю год — другой и поступлю в заочную аспирантуру.

— Почему именно в заочную? — Чтобы от живого дела не отрываться.

У Бориса уже намечена тема будущей диссертации: организация труда в колхозе и МТС. Ведь правильная организация труда — ключ к устранению многих неполадок в сельском хозяйстве.

Борис вспоминает с набережной и поднимается на Красную площадь. Отсюда пять лет назад он начал знакомство с Москвой. Здесь он прощается с ней сегодня.

\*\*\*

Мощные рефлекторы заигрывают опарационную яркую светом. Стоя на котором лежит больной, окружил несколько человек в белых халатах и шапочках, в мар-

левых повязках, прикрывающих лица.

Лидя Астахова берет скальпель. Руки ее немного дрожат: ведь это первая самостоятельная операция, пусть несложная, но для нее совсем ответственная. Впервые сделать надрез на теле больного не так-то просто!

— Спокойно, Астахова, спокойно, — слышится ободряющий шепот профессора Саличева, ее педагога и руководителя. Рядом стоят студенты-однокурсники и врач-ассистент, и на душе у нее становится легче. Вдсе все свои ей не дадут отбиться. Лидя работает очень уверенно, быстро. Сколько раз, приотступая на операциях, она с восхищением следила за каждым движением профессора и его ассистента! Как ей самой хотелось так же смело владеть скальпелем! И вот ее мечта осуществилась: сдан последний экзамен, получен диплом врача-хирурга.

— А вступать в институты не по широкому гладкому шоссе. Позади остались подомосковские дачные места, промывальни за углом Подольска, драный кремль Серпухова...

— В Тупе оде! — спрашивает Лидя сидящий рядом пассажир.

Лидя чуть-чуть шурит свои большие серые глаза, а в них вспыхивают веселые искорки.

— Чт себе, — отвечает она! — Тула — мой родной город.

— Оно и видно. Поговору видно, что наша, тулячка. Небось, к родным погостить!

— Нет, совсем не на работу. — Вот как! А вы кто же по специальности будете?

— Закончила медицинский, — немного смущаясь, говорит Лидя. — И сейчас работаю хирургом. Тому, что оно врач, хотя на счету у нее уже более двадцати самостоятельно проведенных операций и целый год врачебной практики в хирургической клинике института имени В. И. Ленина.

Лидя вспоминает последние дни, проведенные в институте.

В комнате общежития собрались ее подруги. Было много шума, смеха, псалов, минутных слов и воспоминаний.

Подруги, прожигшие вместе институтские годы, разглагользили в разные края: Наталья Серебряная получила назначение на Ангарстрой, Аня Парува будет работать в Подмосковье, а Лидя попросила направить ее в родные места.

— Автобус размещается на чердачной площадке Тулы. Еще минута — и Лидя обнимает отца и мать, приехавших из района встретить свою дочку — врача-хирурга.

\*\*\*

В праздничные дни почти в каждой витрине на улице Горького можно увидеть проекты различных архитектурных сооружений: отдельных жилых домов, целых ансамблей и генеральные планы реконструируемых и вновь строящихся городов. У этих витрин постоянно толпятся народ. Люди подолгу рассматривают проекты, высказывая вслух свои мнения.

— Очень удачно решен этот ансамбль, — замечает какой-то пожилой мужчина.

Но стоявший рядом юноша с энергичными чертами лица неслыхо возражал:

— А мне кажется, что здания расположены слишком кучно. Я

бы разрядил их зелеными интервалами.

— Интервалы, говорите! — Не знаю, не знаю... Хотя, впрочем, вполне возможный вариант. А вы что, собираетесь стать архитектором?

— Да и сам еще не знаю, — неуверенно ответил юноша.

Георгий Вакулин действительно тогда еще не знал, кем ему быть. Окончив десятилетку, он не сразу решил, в какой же области знания было, следовало избрать архитектурный. У него были для этого все данные: он хорошо рисовал, даже несколько лет учился в изобразительной школе. Но всегда первым в классе. А может быть, посвятить себя живописи? Ведь его натюрморты и этюды всегда вызвали одобрение преподавателей. Но! Пожалуй, лучше всего градоостроительству. Его увлекло не столько архитектурное оформление отдельного здания, сколько решение чисто планировочных задач. И тогда же он решил поступить в институт имени Кубышевца, крупнейшего в Союзе инженерно-строительного вуза.

Быстро промелькнули годы студенчества. Темой для дипломного проекта Вакулина из участка планировки одного из районов набережной Москвы-реки.

— Хороший материал. Очень хороший, — сказал ему профессор Стравагантов. — Есть над чем поработать.

И Георгий начал готовить дипломный проект. Целые часы просиживал он над планком участка, подолгу издумывая его на месте. Делая наброски и зарисовки в альбом. Постепенно эти наброски принимали более четкие формы, реально выступали на планеشته эскизы будущего проекта.

В большой, светлой аудитории, на даче которой принята табличка с надписью «Дипломная», сегодня особенно людно. Студенты-выпускники обсуждают дипломные проекты своих товарищей. Через несколько дней начнется защита. Еще есть время, вспомнозавшись дружеской критикой, что-то дополнить, переделать, подправить.

Но вот уже составился защита проекта. Молодой инженер покидает стены института. Ему предстоит далекий путь. Георгий Вакулин едет на крайний северо-восток страны, а город Андрищ. Это назначение он получил по собственному желанию.

— Перрон Северного вокзала. Поздний Москва — Владивосток поезда к отправлению. Георгий Вакулин — один из самых дальних путешественников в этом поезде. Его провозжат друзья и родные. — Получайте только, куда он едет! — говорит мать Георгия, обещая к товарищам сына. — Я по карте смотрела. Это ж на самом краю света.

— Вы не волнуйтесь, — утешают студенты. — От тех таких дорог понастроили! Поедете к нему в гости — увидите.

Наступает минута отправления. Поезд трогается...

— До свидания, мама! До свидания, друзья!

\*\*\*

Борис Минеев, Лидя Астахова и Георгий Вакулин учились в разных вузах. Они не были знакомы друг с другом. У них разные интересы, разные биографии, но всех их роднит одно чувство — радость творческой работы на благо любимой Родины.



Рисунок Г. Валашова.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

# КОНДУКТОР ТРАМВАЯ

## «МЕДНАЯ ЛИНИЯ»

Меня приняли водителям в Миусский трамвайный парк. Но водителям я работал полгода. Вскоре меня перевели в кондукторы.

Миусский парк помещался на Лесной улице, в почерневших от копоти кирпичных корпусах. Со времен моего кондукторства я не любил Лесную улицу. До сих пор она мне кажется самой пыльной и бесплодной улицей в Москве.

Воспоминание о ней связано со скрежетом трамвая, выходящего на расвете из железных ворот парка, с усталостью, с тяжелой кондукторской сумкой, натравленной до крови плечо, и с кислым запахом меди. Руки у нас, кондукторов, всегда были зелеными от медных денег. Особенно, если мы работали на «медной линии». «Медной линией» называлась линия «Б», проходящая по Садовому кольцу. Кондукторы не любили эту линию, хотя москвичи и называли ее с умилением «Букашкой». Мы предпочитали работать на «серебряной линии «А» — на Бульварном кольце. Эту линию москвичи называли тоже ласково «Аннушкой». Против этого ничего возразить было нельзя, но называть «Букашкой» линию «Б» было просто нестерпимо.

Проходила она около многолюдных вокзалных площадей, по пыльным улицам Москвы. Вагоны на линии «Б» были с прицепами. В прицепе разрешалось садиться с тяжелыми вещами. Пассажир на этой линии был больше с окрестных ремесленников, торговцев, молочниц. Расслаивался этот пассажир медяками, серебром же припрятывал и не очень охотно выставлял его из своих кошель и карманов. Поэтому эта линия и называлась «медной».

Линия же «А» была яркая, театральная и магазинная. По ней ходили только одиночные вагоны, и пассажир был иной, чем на линии «Б» — интеллигентный и чиновный. Расслаивалась такой пассажир обыкновенно серебром и бумажками.

За открытыми окнами вагона линии «А» шумела лиственная бульварная аллея, задушающая по Москве — мимо усталого Гоголя, задумчивого Пушкина, мимо Трубною рынка, где никогда не умолкал птичий свист, мимо

Нине мы печатаем главы из автобиографической повести К. Паустовского «Веселой кондуктор». Повести эти издаются продолжением книги «Далекое годы». Все описанное в этих главах относится к осени 1914 года и происходит в Москве.

кремлевских башен, алоталогой громады храма Христа Спасителя и горбатых мостов через обмелевшую Москву-реку.

Мы вызволяли вагоны на линию равным утром, а возвращались в парк в час ночи, а то и позже. В парке надо было сдать вырчку артельщику. Только после этого а мог уйти домой и медленно брел по ночной Москве, по Грузинам, с пустой сумкой на плече. Никемированная блуха с кондукторским номером поблескивала на моей куртке в зеленом свете газовой фонаря. В то время электрические фонари горели только на главных улицах.

Вначале я долго возился ночью с подсчетом медяков, но потом старый кондуктор Бабев — мой наставник — научил меня, как избавиться от нее. С тех пор я начал приносить в парк только крупные бумажные деньги и немного серебра.

Приним был простой. Часа за два до возвращения в парк мы начинали безжонно спускать мелочь: славилась слава с рублем одним, медяками, а с трех рублей — одним серебром. Пассажиры иногда начинали ругаться. В этом случае мы тотчас уступали, чтобы не было лишней трамвайной распри. Такова была житейская мудрость Бабева.

Ничего пассажир, — говорил Бабев, — слабоверный. Приходится делать ему послабления. Надо иметь благорасположение к пассажиру, а кой-кого даже и провезти бесплатно. И, к примеру, по тому, как человек несет в вагон, уже знаешь, кто он хочет проехать без билета. По выражению лица. Видишь, что человеку надо ехать, а он от тебя по вагону прыгает, — значит, у него в кармане ниш. Так ты к такому пассажиру с билетом не приставай. Делай вид, будто ты ему билет уже выдал и даже с соответствующим надзором. На каждом поприще надо проявлять снисхождение к людям, а в на-

шей кондукторской службе — особенно. Мы людем дело со всей Москвой. А в Москве гора людского, как песка морского.

Бабев обучал меня всем хитрым тонкостям кондукторской службы: как выдавать билеты, какого цвета билеты соответствуют каждому типу недели (чтобы пассажиры не ездили со вчерашними билетами вместо сегодняшних), как славить вагон смотрителю парка, в каких местах города пассажиры чаще всего вскакивают на ходу и потому надо быть осторожным, чтобы остановить вагон в случае несчастья.

Бабев обучал меня десять дней. После этого я держал экзамен на кондуктора. Самым трудным был экзамен на знание Москвы. Нужно было знать все площади города, улицы и переулки, все театры, вокзалы, церкви и рынки. И не только знать их по названию, но и рассказывать, как к ним проехать. В этом отношении титанически с кондукторами могли только московские извозчики.

Трамвайной своей службе я обязан тем, что хорошо изучил Москву, этот беспорядочный и многоликий город со всеми его Зацепами, Стромычками, трактирами, Ножовыми линиями, Бождеждками, большаками, Тенишками, Алеевскими рощами, Яузами, вдовыми домами, слободами и Крестовскими башнями.

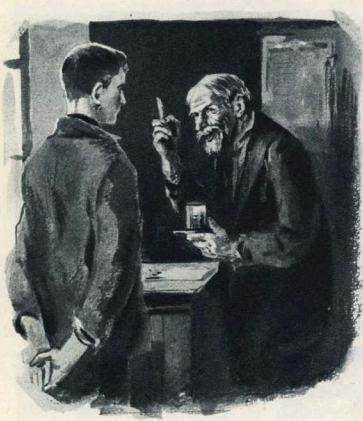
Экзаменовал нас на знание Москвы единый старшор в длиннополном плаще. Он прилежно брал из стакана холодный чай и несколько спрашивал:

— Как бы покороле, батенька моя, проехать мне из Марьиной рощи в Ламовники? А? Не знает? Кстати, откуда это изволок название такое пренебрежительное — Ламовники? Хамством Москва не славилась. За что же ей, перепорестольной, такой храм?

Старшор сиверно придирался к нам. Половина кондукторов от его экзамена провалилась. Провалившиеся ходили жаловаться главному инженеру трамвая Полинанову — великолепно выбитому, подчеркнуту усталому человеку. Полинанов, склонив голову с седым пробором, ответил, что знание Москвы — одна из основ кондукторской службы.

— Кондуктор, — сказал он, — не только одушевленный прибор для выдачи билетов, но и





Вагон трамвая становился похожим на выжаренное обожженное, где переругивались случайные жильцы-пассажиры.

Москва как бы съезжалась, пряталась под черные зонты и гудения воротника плаща. Улицы пустыли. Оля только Сухаревка шумела и ходила, как море, тусклыми человеческими волнами.

Трамвай с трудом продирался сквозь крикливые толпы покупателей, перекупщиков и продавцов. У самых колес трамвая зловеще шипела графомания, и Вильгельм завыло пола: «Гай-ла, тройка! снег пушистый, ночь морозная кругом! Голос ее заглушали примусы. Они нетерпеливо рвали в небо сини свистящим пламенем, и победный их рев перекрывал все звуки.

Звенеи отсыревшие маюландии. Резиновые чертенята с пушистыми анилиновыми шеками умрали с прозякающим воком: «Уйди, уйди!» Борзали на огромных скоростях олады. Пахло навесом, бараниной, сеном, шенным товаром. Охрипшие люди с нигрнатурой яростно били друг друга по рукам.

Гревели кованные дроги. Лошадные потные морды лезли на площадку вагона, дышали густым паром.

Фокусники китайцы, сидя на коротках на мостовой, покрывали фальцетом: «Фу-фу, чуду-чудеса!»

Надрезанное знобила в церквях, а из-под черных ворот Сухаревки рваной риданной женской голос кричал: «Положи свою бедную руку на мое искудалью грудь!»

Карманные часы в перекунутыми через руку брочьями, вынесенными языки для продажи, ширяли повсюду. Глаз у них был быстрый, уколочный. Словарями заливались польшей-своем свистом.

Тяжело хлюпая крыльями, взлетали в мутное небо обалдые голуби, выпущенные из-за пауку мальчишками.

Невозможно рассказать об этом исполномом московском торжестве, раскиснуемом у Самонте до Красных ворот. Там можно было купить все: от трехколесного велосипеда и иконы до саниского петуха и от тамбовской ветчины и ананасов до моченой моршочки. Но все это было с червоточкой, с изъязом, со ржавчиной или с дущком.

Это было всероссийское скопище нищих, бродяг, жуликов, воров, мажлаков — людей скупой и увертливой жизни. Воздух Сухаревки, казался, был полон только одним — мечтой о легкой наживе и куске колбасы из телечных жожок.

То было немислимое смешение людей всех времен и состояний — от юродиною с запавшими глазами, греющего ржавыми веригами, который ловится проехать на трамвае без билета, до поэта с козыльной бородой и зеленой вельюродной шляпе, читавшего себе под нос на площадке вагона стихи Черубины де-Габриак; от толстов-красным босыми ногами сухаревскую грязь, до затнугных в коресты дам, что пробиралась по этой же грязи, приподымая тяжелые ботки.

Однажды в дождливый, темный день в мой

вагон вошел на Екатеринбург площади пассажир в черной шляпе, нагугу застегнутом пальто и коричневых лайковых перчатках. Длинное выхолоденое его лицо выражало каменное равнодушие по московской слякоти, травмаивым перебаркам, ко мне и ко всему на свете. Но он был онево угити, этот человек; получив билет, он даже приподнял шляпу и поблагодарил меня. Пассажиры тотчас онемели и с враждебным любопытством начали рассматривать этого странного человека. Когда он сошел у Красных ворот, весь вагон начал плакать; получив билет, он даже приподнял шляпу и поблагодарил меня. Пассажиры тотчас онемели и с враждебным любопытством начали рассматривать этого странного человека. Когда он сошел у Красных ворот, весь вагон начал плакать; получив билет, он даже приподнял шляпу и поблагодарил меня. Пассажиры тотчас онемели и с враждебным любопытством начали рассматривать этого странного человека.

Через несколько дней я освободился вечером от работы и пошел в Политтехский музей на поэзо-концерт Игоря Северянина.

«Какое же было мое удивление, как плеска старомодные литераторы, когда на эстраду вышел мой пассажир в черном сюртуке, прислонился к стене и, опустив глаза, долго ждал, пока не затихнут восторженные выкрики девиц и аладисменты.

К его ногам бросали цветы — темные розы. Но он стоял все так же неподвижно и не поднял ни одного цветка. Потом он сделал шаг вперед, зазатих, и я услышал чутк картавое пение очень салонных и музыкальных стихов:

Шампанское — в лилию, шампанское — в лилию! Ее цедломурим свичет оно! Миньон с эскималлю, Миньон с Эскималлю! Шампанское в лилии — свичто оно!

В эти стихах мелодия извлекалась из слов, не имевших смысла. Язык существовал только как музыка. Больше от него ничего не требовалось. Человеческая мысль превращалась в поблескивание стекла, в шуршание вальцового шелька, в струасовые перья вееров, в пену шампанского.

Было дико и странно слышать эти слова в те дни, когда тысячи русских крестьян лежали в земляных дождиях окопах и отбивали сосредоточенным винтовочным огнем продвижение немецкой армии. Тьма катилась с запада. Накопленная веками культура сгорала от зажигательных снарядов, как ключья старых книг. Гнев подымался в сердцах, гнев за поруганную чистоту, силу и ум человека, а бывший реалист из Череповца Лотарев, он же «гений» Игорь Северянин, выпевал, грассируя, стихи о бугадре тоскующей Неалли.

Потом он сплхотался, конечно, и начал петь жеманные стихи о войне, о том, что если погибнет последний русский полководец, придет

проводник по Москве. Город велик. Ни один старожил не знает его во всех частях. Но представить, какая путаница произойдет с пассажирскими трамваями, особенно с провинциалами, если никто не сможет помочь им разобраться в этом хитросплетении тумок, застав и церквей.

Меня назначили на линию «в» — прокладку вокальную линию, считающуюся еще худшей, чем «Б». Линия эта соединяла Брестский вокзал с Каланчевской площадью, с ее тремя вокзалами: Новосадским, Ярославским и Каванским. Проходила линия «в» через Сухаревскую площадь и по обеим Вожеводам.

Часто случалось, что у Ярославского вокзала мой вагон попадал, как говорят кондукторы епод поездъ из Троице-Сергиевской плаври. В вагон набивались богомолю-салонники. Пробирались они в разные московские церкви, города не зная, были бестолковы, как куры, и всего больше.

И вот изо дня в день происходила оза и та же каминуть: одной салоннице надо было к Николе на курных нождках, другой — к Троице Капельке, третьей — к Георгию на Всполое. Нужно было терпеливо объяснить им, как проехать к этим церквям, после чего старухи вытаскивали из карманов в нижних юбках платки с завязанными по уголкам деньгами. В одном уголке были копейки, в другом — трехкопеечные монеты, в третьем — пятикопеечные.

Салонники долго развязывали зубами тугие узелки и скупое отсчитывали деньги. Вплоть до часто ошибались и развязывали не тот узелок. Тогда они снова затягивали его зубами и начинали развязывать другой.

Для нас, кондукторов, это было несчастьем. До Красных ворот мы должны были раздавать билеты. Старухи нас задерживали, билеты выдавать мы не успевали, а у Красных ворот нас подкардундывал сутяга-контролер и штрафовал за медленную работу.

\*\*\*

Сухая осень сменилась обложными дождями. Это было, пожалуй, самое трудное время для кондукторов. Сквозники в вагонах, липкая грязь на полах, засыпанных обрывками билетов, прелый запах мокрой одежды и слезящиеся окна, за ними ползли вереницы темных деревянных домиков и исклястие дождем вывески оптовых складов.

В такие дни кондукторов раздражало все, в особенности дурацкая привычка пассажиров налеплять на окна старые билеты и рвать пальцем на потном стекле носатые рожи.



очередь и для него, Северинина, и тогда «ваш безный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин».

Мне редко удавалось освободиться по вечерам. Все дни и часть ночи проходила в изнурительной работе, всегда на ногах, в скрежете, спешке, и я, так же, как и все кондукторы, очень уставал от этого. Когда мы слишком уж изматывались, то просили у нашего трамвайного начальства перенести нас на несколько дней на «паровичок» — паровой трамвай. Он ходил от Савельевского вокзала в Петропавловскую сельскохозяйственную академию. Это была самая легкая, а на кондукторском языке самая «сладкая» линия в Москве. Маленький паровоз, похожий на самовар, был вместе с трубой запрятан в коробку из железа. Он выдавал себя только детским свистом и клубами пара. Паровоз тащил четыре дачных вагона. Они оцепенели по вечерам свечами: электричества на «паровичке» не было.

Я работал на этой линии осенью. Быстро раздавал билеты, и садился на открытой площадке и погружался без всяких мыслей в шестое осени, мчавшейся по сторонам «паровичка». Березовые и основные роши дребезжали в лино сырым перестоявшимся дном. Потом роши кончились, и впереди вспыхивал всеми красками увядания великолепный парк академии. Золотое мочало стояло в нем. Громыды багряных кленов, переплетаясь с лиловыми бесцветными листв, открывались перед глазами, как преддверие пышного и тихого края. Там осень по разнообразию и обаятельности раскраски была подчинена воле и таланту человека. Этот парк был насытен знаменитыми нашими мастерами садово-паркового искусства. Я смотрел, как дым из трубы «паровичка» обволакивал желтеющие роши. По вечерам за ними слабо горело голубоватое зарево Москвы. Видение этих подмосковных рош вызвало множество мыслей о России, Чехове, Левитане, о свойствах русского духа, о силе, таившейся в народе, его прошлом и будущем, которое должно быть и, конечно, будет совершенно удивительным.

#### СТАРИК СО СТОРУБЛЕНЫМ БИЛЕТОМ

Давно замечено, что люди, чья жизнь проходит в постоянном движении — машинисты, моряки, летчики, шоферы, — бывают несколько суевеиры. Суевеиры были и мы, кондукторы московского трамвая.

Впервые это случилось со стариком со сторубленным кредитным билетом, так называемой «катеринкой». На билете этот был изображен пышный портрет Екатерины II с тугим атласным бюстом.

Если говорить без преувеличений, то старик был даже довольно приятный — чистый, ласковый и культурный. Из кармана его паляло всегда торчала аккуратно сложенная профессорская и либеральная газета «Русские Ведомости».

Старик всегда садился в трамвай ранним утром, как только мы выходили из парка, и в сумке у нас позванивало 60 копеек мелочью, выданной нам на сдачу. Больше мелочи нам не давали.

Старик влезал в трамвай и с предупредительной улыбкой протягивал кондуктору сторубленную бумажку. Сдачи, конечно, не было. Но старик ее и не требовал. Он покорно сходил на первой же остановке и дождался следующего трамвая.

Так повторялось та же история. Так, переживавший из вагона в вагон столько раз, сколько было остановок от его дома до места службы, старик бесцельно ездил изо дня в день и из месяца в месяц. Придираться к нему было нельзя.

Сторубленная бумажка была всегда одна и та же. Мы, кондукторы линии «Б», давно знали наизусть ее номер — 123715. Мы стали старика только тем, что иногда звонительно говорили: «Видеться, везу «катеринку» номер 123715 и выматываюсь из вагона!»

Старик никогда не обижался. Он охотно протягивал нам ассигнацию и так же охотно и даже торопливо, стараясь никого не затруднить, выходил из вагона.

Нам было несильно неприятно порожником пассажир. Против него были бессильны самые свереные контролеры.

Но мы не любил старика не за эту ассиг-

нацию 123715, а за то, что он, как утверждали старые кондукторы, знавшие его несколько лет, всегда привозил неприятности.

У меня за трамвайную службу было четыре неприятности.

Вначале я работал вожатым. Я влез в вагон по внутреннему ходулю «Б». Это была дьявольская работа. Вагоны ходили с прищипами. Сцепления были разбитыми, и поэтому было почти невозможно строить вагон с места, чтобы не дернуть прищеп и не услышать в ответ крикливые проклятия пассажиров.

Однажды у Смоленского бульвара на рельсы въехал белый автомобиль с молоком фирмы Чичкина. Шофер едва шлепел. Он боялся, очевидно, раскиснуть свое молоко. Я поневоле шлепел за ним и опаздывал. На остановках мой вагон встречали густые раздраженные толпы пассажиров.

Вскоре меня нагнал один вагон линии «Б», потом — второй, потом — третий, наконец — четвертый. Все вагоны сгустились тельно и нетерпеливо трещали. В то время у моторных вагонов были не звонки, а электрические трещотки.

На линии создавался тяжелый затор. А шофер все так же трусил по рельсам впереди меня и никуда не сворачивал. Так мы проехали из линии в линию Савельево-Кудринскую, мимошли Гусевский, Мазуль, Дмитровскую, Каретный ряд. Я неистово трещал, высывался, ругался, но шофер только похихивал в ответ табачным дымом из кабин.

Сзади уже, сколько хватало глаз, ползали, опускаясь к линии тротуаром, переполненные пассажирами «букашки». Ругаясь, выскочил с тротуара воздух. Она докочкалась от самого заднего вагона ко мне и снова мощной волной катилась назад.

Я пришел в отчаяние и решил действовать. На спуске к Самотекке я выключил мотор и с оглушительным треском, делая вид, что у меня отказали тормоза, удрал сзади чичкинский автомобиль с его нахалом-шофером.

Потом я выскочил. Автомобиль осел на один бок. Из него повалил белый дым. Уставый шофер выскочил на мостовую, вытравил из кармана полицейский свисток и залился за стивел.

Это было для меня полной неожиданностью. Я выскочил с Самотечной площадки бегут к вагону, придерживая шапку, околоченный надзиратель в городской.

В общем на следующий день меня разжаловали из вожатых в кондукторы.

Потом мы, молодые кондукторы, придумали очень удачный, как нам тогда показалось, способ, чтобы немного передохнуть среди суматошного дня. Мы стоварились с вожатым и уходили с конечной станции минуты на две, на три раньше, чем полагалось, по расписанию, для, как говорили трамвайщики, «не выдерживали интервала».

Вожатый давал полный ход, мы быстро догоняли передний вагон той же линии и последующий. Передний вагон подбирал всех пассажиров, а мы шли порожником. В вагоне было пусто и тихо, можно было даже почитать газету.

Способ этот казался нам безукоризненным. Но мы, конечно, как это часто бывает, «покопсулись» на шельфовый вырвек, начали перекладывать вагон порожником по Мокшове по три-четыре рейса подряд. Вырвек наша стала меньше, чем у остальных кондукторов. Начальство тотчас заподозрило неада-



носе. В конце концов нас накрыли на этой хитрости в жестоко штрафовали.

Эти неприятности обожались без вмешательства старика со сторубленным билетом. Но однажды старик сел в мой вагон, и самый вид его показался мне подозрительным и зловещим: старик весь сиял от расположения ко мне, кондуктору. Может быть, потому, что я проглядел, и старик удалось проехать бесплатно не одну, а две остановки. Когда старик сошел, вожатый — человек молчаливый и мрачный — с треском отодвинул переднюю дверь и крикнул мне через весь вагон:

— Теперь гляди, кондуктор! Как бы не случилась беда!

И он с треском захлопнул дверь.

Я ждал неприятности весь день, но их не было. Я успокоился. В полночь мы отошли от Ярославского вокзала последним рейсом. В вагоне было несколько пассажиров, и ничто не предвещало близкой беды. Я даже бесцельно напевал по себе очень распространенную в то время песенку:

Ах вы, платон-нананин мои!  
Размяните бумажку мою...

У Орликова переулка в вагон вошел пыльный господин в пальто с воротником «шпатель» и злганетном котелке. Все в нем изобличало барство: сложа приплюснвые веки, запах сигары, белое заграничное кашне и трость с серебряным набабдшиником.

Он прошел через весь вагон покладкой подгирив, опираясь тростью, и тяжело сел у выхода. Я пошел к нему.

— Бесплатный! — отрывисто сказал господин, глядя не на меня, а за окно, где бежали, отражаясь в стеклах вагонов, ночные огни.

— Простите! — так же отрывисто сказал я.

— Господин поднял набришке веки и с тяжелым преобразованием посмотрел на меня.

— Надо бы знать меня, милешный! — сказала он раздраженно. — Я городской голова Брянский.

— У вас, к сожалению, на лбу не написано, — ответил я резко, — что вы городской голова. Предъявите билет!

Городской голова вскинул. Он вагон отказался показать свой бесплатный билет. Я остановился и попросил его выйти. Городской голова упирался. Тогда, как водится, дружно вмешались пассажиры.



Я неторопливо отсчитал 99 рублей 35 копеек, два раза пересчитал сдачу и прогнул старика. На него было страшно смотреть. Лишь его почернело. В глазах было столько желтой злости, что я бы не хотел встретиться с этим стариком в пустом переулке.

Старик молча взял сдачу, молча слушал ее, не считая, в карман пальто и пошел к выходу.

— Куда вы? — сказал я ему вежливо. — У вас же есть карманная сумочка. Можете кататься сколько угодно.

— Зараза! — хриплым голосом произнес старик, открыл дверь на переднюю площадку и сошел на первой же остановке. Сделал он это, должно быть, по застарелой привычке.

Когда вагон тронулся, старик изо всей силы ударил энургией толстой тростью по стене вагона и еще раз крикнул: — Зараза! Жулик! Я тебе покажу!

С тех пор я его больше не встречал. Передавали, что кое-кто из кондукторов видел его после этого случая. Старик бодро шагал пешком из дому на службу. В кармане его пальто все так же торчала аккуратно сложенная газета «Русские Ведомости».

Сторбулевая бумажка 123715 была вырвана из кармана Мухоморова на арест за провалочной сеткой, где вымышлялись приказы. Она провисела там несколько дней. Перед ней толпились кондукторы, узнавали ее «за лицо» и смеялись. А я заслужил солительную сдачу находчивого человека. Только обстоятельство и спасло меня от увольнения, когда я сознательно провез без билетов двадцать вооруженных человек и нарвался на контролера.

Это было ночью. У Ярославского вокзала в вагон сели солдаты обоего по-ходному. Это были запасные, — бордатые, обремененные люди, обремененные в незнакомой и непонятной Москве. Ехали они с Ярославского вокзала на Брестский, а оттуда — в действующую армию. Трех солдат сопровождал жени.

Я совершил два служебных преступления: провез солдат с женами бесплатно и, кроме того, пустил в вагон трамвая вооруженных людей, что строгаише воспрещалось.

На Екатерининской площади в вагон вошли контролеры.

— Не трудитесь, — сказала я ему. — Билетов у солдат все равно нету.

— За счет датского короля везете? — спокойной спросил контролер.

— Да, за счет датского короля.

— Веселое дело! — промолвил контролер, записал мой номер и сошел из вагона.

Вскоре после этого меня снова вызвал jefe-бородатый начальник парка. Он долго смотрел на меня, походил бровями, что-то соображал, потом сказал на «вы»:

— С пассажирами вы работать не можете. Это дело! У вас уже, слава те господа, три выговора.

— Ну что ж! Увольте меня.

— Увольте недолго. Только зачем? Я приведу вас на ночную работу в санитарных вагонов. Будете развозить ранивших с вокзалов по госпиталиям. Вы ведь студент.

Я согласился. Эта работа казалась мне гораздо благодарнее, чем утомительная возня с пассажирами, билетами, со сдачей.

С облегчением я сдал сумку артиста и пошел домой. Ветер трепал язычки газовых фонарей. Ночной воздух с легким прикусом газа, казалось, судил мне перемены в жизни, путешествия, новизну.

Андрис ВЕЙЯН

У МОРЯ

Как светлый парус, ты в моей судьбе... Стоим на пляже, смотрим вдаль влюбленно. Дыхание моря нас влечет к себе, У ног ложится пена волн соловья. Дай руку мне! Подем вперед смелой Искать янтарь и слушать крики чаек. Воде прохладней, а сердцам теплей... На сильных грёбах счастье нас качает. Нам хорошо смеяться и мечтать. Но почему ты смолкла на мгновение! Ведь все, что недосказано опять, Сказало мне руки прикосновение. Шумят на дюнах сосны. Бьет прибой. Весь в солнце берег, людской, многозвучный. Янтарь у нас в ладошках... Мы с тобой Теперь, как берег с морем, неразлучны.

г. Рига.

Перевод с латышского  
Николай НОВОСЕЛОВ.

Николай ФЛЕРОВ

ЗДРАВСТВУЙ, БАЛТИКА!

...Дни давние,  
Дни юности матросской,  
Забуть ли вас!  
Вы в сердце навсегда:  
Залив, Кронштадт,  
Метели посылит хлесткий,  
Прибой заклинающая гряд.

Всю Балтику, во всем ее величии —  
От нескончимо дозвонивших в гранит,  
И до просторов дальних приграничных,—  
Морское сердце  
С юности хранит.

...Я вспоминаю первые походы:  
Придя из школы, еще ученики,  
Мы верили, что не пройдем и года,  
Как мы сдвигали экзамен в морские;

Перед походом всем хватало денег.  
И даже немного денег не до сна,  
Хоть рядом, нас баюкая, шумела  
Все та же говорливая волна...

Порой бывало так в походе тяжко,  
Там штормы брала все свое сполна,  
Что даже в штиль штормило,  
А телешапа,  
Была, как наше море, солоня.

Когда же у Кронштадта  
Мы встречали  
Толбузины маячные огни,  
Бывалые матросы замечали,  
Что повзрослели мы за эти дни.

...Пусть мнится время —  
Ни за что на свете  
Мне не забыть походные года.  
И вновь меня встретит в море ветер,  
Что вечно юн, и свеж, и бодр, и светел,  
И что в душе матросской  
Насегада.

А. СМОЛЬНИКОВ

УЧЕНИК

Каким несмелым подошел к станку,  
Все опасаясь: как оценит мастер!  
Изиод режешь под ноги парничку  
Струнилась струнка золотом выкрастим...  
Но выточена перья деталь —  
И хочется от радости смеяться:  
Когда твоим рукам покорна сталь,  
То за себя ты можешь не бояться!

— Какой он городской голова! — сказал из глубины вагона насмешливый голос. — Городскому голове полагаются на своих рысках ездить. Жуть что-то, а это мы хорошо знаем. Видаль мы таких голов!

— Не ваше дело! — крикнула господин в котелью.

— Вагничка! — испугалась старуха с кошачьей яблоч. — Значит какой! Богатые, они всегда скупятся. Пять копеек на билет им жалко. Так вот и канителы себе набирают! — поплушка да по копеечке.

— А может, у него в кармане шпич с маслом, — засмеялся парень в куртке. — Тогда я за него заплачу. Беру, кондуктор! Сразу отдай ему на пропитание.

Кончилась все это тем, что забеснелый городской голова вышел из вагона и так хлопнул дверью, что зазвенела стелка. За это он получил от водителя несколько замечаний в слух по поводу его нахальства, котельки и сиделкой Рюхи.

Через два дня меня вызвал начальник Мухоморова парка — очень бордатый, очень рыжий и очень насмешливый человек — и сказал громким голосом:

— Кондуктор номер 217! Получай артыриный разговор с председателем. Расписанье вот здесь. Так! И поставь свечку Иверской божьей матери, что все так обобщило. Виданное ли дело — выкинуть из вагона городского голову, да еще ночью, да еще на Третьей Мещанской, где и днем-то тебе каждый обидет да толкнет!

Начальник парка потребовал, чтобы я рассказал ему историю с городским головой во всех подробностях. Я рассказал и упомянул, между прочим, о старике со сторбулевым билетом и о том, что, по мнению кондукторов, этот старик провинился несчастье.

— Слышал я об этом старикашке проклятом, — сказал начальник парка.

— Как бы его подкупывать, такого артиста?

Все кондукторы линии «Ев» давно мечтали подкупывать этого старика. У каждого был свой план. Был свой план и у меня. Я рассказал его начальнику парка. Он только усмехнулся.

Натуро мне были выданы под расписку сто рублей бумажной мелочью.

Я ждал старика три дня. На четвертый день старик наконец попался.

Ничего не подозревая, старик спокойно влез в вагон и заученным жестом протянул мне свою «екатеринку». Я взял ее, повернул, посмотрел на свет и засунул в сумку. У старика от изумления отвалилась челюсть.

# СПОРТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ

...Удар! Бросок вратаря опоздал — какую-то долю секунды, и мяч в воротах Владимира Марганина, несомненно, направляется за мячом, запутавшимся в сетке. Если бы ему не помешала Нивия Дзинпила — свой же центр защиты, — Марганин уверен, что не пропустил бы этот мяч. Правда, забит только первый гол, но какому вратарю приятно вынимать мяч из ворот!

Игру начинает с центра поля Никита Симоныч. Он отдает мяч стоящему справа Юрию Вардимяну. Тот, пройдя немного вперед, направляет его Геннадью Болдаренко. Защитник противника перехватывает мяч и отбивает его на середину поля. Но вскоре мяч опять возвращается на штрафную площадку. Обманув полузащитника, левый крайний Ергули Граматикопола хорошо выводит вперед центра нападения Симоныча. Тот красиво обрабатывает мяч, резко поворачивается — сильно бьет. Амбаламенты зрителей заглушают свисток судьи. Команда уходит с поля победительницей. Она обыграла московскую команду спортивного общества «Крылья Советов» со счетом 3:1.

Любители футбола вряд ли догадываются, какая команда выиграла у москвичей. Никита Симоныч, Нивия Дзинпила, Владимир Марганин, Юрий Вардимян, Геннадий Болдаренко, Ергули Граматикопола сейчас защищают честь спортивных обществ разных городов. Но несколько лет назад все они начинали свой путь в Су-

хумской городской детской спортивной школе. А встреча, о которой мы рассказывали, проходила весной 1944 года. Дважды состоялась сухумская с чемпионата Москвы — юниорской командой спортивного общества «Крылья Советов». И оба раза они уходили с поля победителями. Успех юных сухумцев не был случайным. Он пришел к ним как результат упорной, длительной подготовки.

Сухумские спортсмены уже давно замечали интерес местных ребят к футболу. Когда, бывало, мяч на стадионе выкатывался за пределы поля, мальчишки гурьбой пускались валять его за ним. Они, казалось, только этого и ждали. Чаще всего вперед всех оказывались ученик 4-й средней школы города Сухуми Никита Симоныч. Его ввели на стадион и во время состязаний и на тренировках местной футбольной команды. Этот невысокий, крепкий мальчик увлекался футболом. Он одним из первых пришел в городскую детскую спортивную школу, когда там была организована секция футбола.

Тренером сухумской детской команды стал футболист «Динамо», ныне известный мастер Антадзе. Вряд ли думал он тогда, что через несколько лет ему придется на футбольном поле сдерживать бурные атаки своих питомцев. Антадзе много внимания уделял общей физической подготовке юных спортсменов, следил также и за их учебой. Неусевание в школе к тренировкам не допускал.



1954 год. Состав юношеской команды изменился, но и сейчас она играет с таким же успехом. На и м и с е вратарь Кананашвили отбивает трудный мяч.

Фото Г. Толмачева.

Мастерство детской команды росло, на глазах. Удары игроков становились тонкими и сильными. Защита, где выделялся Нивия Дзинпила, тоже была надежна. Не хватало только хорошего вратаря. Но вскоре и на эту «слабость» нашлось подходящее паренек. Это был подвижной и резкий Владимир Марганин. До футбола он успешно выступал в юношеских соревнованиях на первенство Грузии по боксу. В этом виде спорта ему прочили славное будущее. Он даже завоевал звание чемпиона Абхазии. Но вот как-то из одной из тренировок футболистов Володя попросил постоять в воротах. Быстрая реакция, выработанная боксом, помогла армянскому вратарю. Правда, у него была еще слабая хватка, но зато он всегда оказывался на нужном месте. Володя пришел и на следующий тренировку, потом еще и еще на одну, а вскоре окончательно сменил боксерские перчатки на вратарские.

Дружный коллектив юных сухумских спортсменов, хотя своим командам уже не раз сменялся, из года в год успешно выступает на футбольных полях. Много ребят из Сухуми играют сейчас в юношеской команде Грузии, принимающей участие в состязаниях на первенство страны.

У Сухуми славные спортивные традиции. Здесь свой первый удар по мячу сделали известные мастера футбола старшего поколения: Гогоберидзе, Антадзе, Савая, Текубачва, Елчиди, Заревый и другие. Много способных футболистов в

Сухуми и сейчас. Они успешно защищают спортивную честь родного города.

Для сухумцев футбол — игра повседневная. Зеленое поле стадиона всегда в их распоряжении. Помогает им и то, что в Сухуми ежегодно приезжают на тренировки ведущие футбольные коллективы страны, — есть у кого поучиться.

Круглый год действуют детские футбольные секции. Вот закончилась разминка, и ребята приступили к тренировке с мячом. Отрабатываются удары, передача, остановка мяча. Потом тренер С. Носкин делит футболистов на две команды, и начинается игра.

...Обойдя защитника, Сергей Ткаченко прохитит вперед и вымещает мяч Мирабу Ермакшвили. Этому нападающему всего нетырнадцати лет. Малый рост ничуть не мешает Мирабу быть одним из лучших игроков юношеской команды. А силу его удара хорошо знают вратари других команд.

Защитник не успевает за Мирабом, и тот забивает гол. Мяч прохитит под самым плечиком. Его не аявля даже взрослому вратарю. Игра захватывает зрителей. Они шумно выражают свое одобрение. Ловкие прыжки вратаря, хорошие передачи, умелая обводка, точные удары — все это есть в игре сухумских школьников. Можно с уверенностью сказать, что здесь вырастет еще и один прославленный мастер футбола.

Л. МАКАНЬ

г. Сухуми.

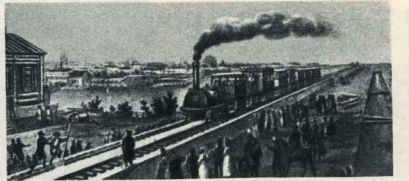


1944 год. Никита Симоныч и Владимир Марганин — игроки сухумской юношеской команды — выходят на поле.

## ПЕРВАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В РОССИИ

В октябре 1837 года состоялось торжественное открытие Царско-Сельской железной дороги, соединившей Петербург с Царским Селом (ныне Дetskое Село). Это была первая в России железная дорога, предназначенная для перевозки пассажиров и грузов. Протяженность ее составляла всего 25 верст.

Вот как описывает современники первую железную дорогу: «...идет лит дым; машина тащит за собой несколько повозок, в которых помещается более 300 человек; сила равна силе 40 лошадей... К машине приделана труба другого рода, в нее, в продолжении пути, кондуктор трубят, отстреляв зрители. Длинная веревка экипажей приделана и паровозу; вот огромный динозавр, вот берлины, шарабаны, линаеис, вот берлины, шарабаны, линаеис, широкие крытые повозки с шестью рядами сидений на 5 человек напаре — вот огромные фуры и тележки для разной наяди; вот ряд рос-



пусков для перевозки животных, — вот чины для разных индустрий, бумажки для сыстных припасов... Первая железная дорога — «чужоу техини» с точки зрения современников — а именно любопытство, восторг и страх. Толпы зрителей стояли к попуты железной дороги. Приходилось принимать меры пред-

осторожности, Учредители акционерного общества по сооружению дороги обещали дать подписку, что «паровые экипажи» будут иметь железнодорожные или другие железнодорожные знаки. Кондуктор непрерывно трубил. При отходе поезда от станции восторженных свистков играла музыка.



СМЕНА

В номере:

### ПЯТЬ МИНУТ

Каждый день, в середине смены, в цехах воюсоной фабрики команды изделий Министерства легкой промышленности СССР на пять минут затихает шум машин. То в одном, то в другом цехе раздаются звуки анимонистки Ольги Спиридоновой проваодственной гимнастики.

Всего пять минут длится эта зарядка, но она как бы снимает усталость. Раньше на конвейере во второй половине рабочего дня несколько понимали выпуск продукции, теперь, после того как ввели производственную гимнастику, люди чувствуют себя бодро, и производительность труда остается такой же, как и утром.

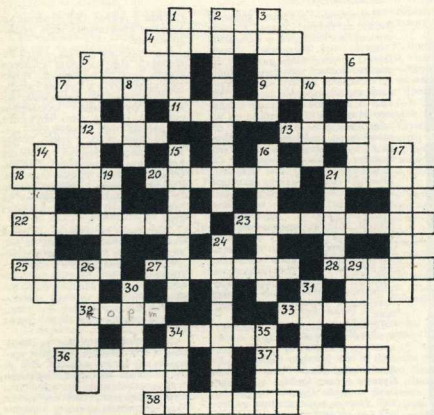
Работники фабрики оценили значение производственной гимнастики. Ее אותו делают и двадцатипятилетняя немцовна Клава Ефремова и сорочница Анна Васильевна Фунтова.

Пятиминутная зарядка в цехе для многих стала началом увлечения спортом по-настоящему. Гимнастическая секция теперь одна из самых многочисленных на фабрике.



## КРОССВОРД

Составил П. Кузнецов  
(г. Ростов-на-Дону)



#### По вертикали:

1. Вид спортивной борьбы.
2. Курорт.
3. Великий болгарский писатель.
4. Византиское дневное атмосферное.
6. Вид составов на железных.
7. Цветок.
10. Старинный русский город.
14. Повесть А. С. Пушкина.
15. Русский художник.
16. Подлинный.
17. Музыкопроизведение.
19. Артист.
21. Пионерский лагерь в Крыму.
24. Сужие для ружейных патронтамов.
26. Бельгийская ступенька.
28. Имята красная.
30. Дворянин для спортивных состязаний.
31. Удильный музыкальный инструмент для подачи сигнала.
34. Холодное оружие.
35. Бразильский писатель-коммунист.

#### По горизонтали:

4. Литературное произведение.
7. Мельчайший организм.
9. Трагедия А. Шопена.
11. Персонажи пьесы А. Кольчугина «Фронт».
12. Герой гдажданской войны.
13. Струна для регулирования движения поезда на железнодорожных.
18. Печь для выплавки чугуна.
20. Вещество, вызывающее химическую реакцию.
21. Единственная административная часть юга.
22. Наука о ведении войны.
23. Организация, выполняющая определенные поручения.
25. Соединительное предложение.
27. Минерал.
28. Небольшое судно.
32. Площадка для игры в теннис.
33. Река во Франции.
34. Нижняя часть ноги.
36. Корнеплод.
37. Химический элемент.
38. Юный вечнозеленый кустарник.

Главный редактор М. А. Величко.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.  
Тираж 120 000 экз.

Тел. Д 3-34-24.

Над № 700.

А 06209.

Подписано и печатно 12/VIII 1954 г.

Формат бумаги 70 x 108 см.

Формуление номера  
В. Урина.

Технический редактор  
О. Шова.



Редакция: В. Акаев, Г. Гуля, Е. Долматовский, М. Егоров, Н. Жуков, О. Колтухов, М. Луконин.

Зав № 2230.

1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Умеренно

Что так сердце, что так сердце растревожено, во, же, но,  
словно ветром тронуло струну.  
О любви немало песен сложено,  
я спою тебе, спою еще одну.  
О любви немало песен сложено,  
я спою тебе, спою еще одну.  
О любви немало песен сложено,  
я спою тебе, спою еще одну.

1-4 му. По до.

## Что так сердце растревожено

Романс из кинокартины «Верные друзья»

Слова Мих. Матусовского.

Музыка Тихона Хреннинова.

Романс из кинокартины «Верные друзья» публикуем по просьбе группы студентов Кировского государственного педагогического института.

Что так сердце, что так сердце растревожено,  
словно ветром тронуло струну.  
О любви немало песен сложено,  
я спою тебе, спою еще одну.

По дорожкам, где не раз бродили оба мы,  
я брошу, мечтал и любя.  
Даже солнце светит по-особому с той минуты, как увидел я тебя.

Все преграды я могу пройти без робости,  
в спор вступлю с неважною любовью,  
укажи мне только лишь на глобусе место скорого свидания с тобой.

Через горы я пройду дорогой сваволою,  
поднимусь на крыльях в синеву,  
и отныне все, что я ни сделаю,  
светлым именем твоим я назову.

Посажу я на земле сады весенние,  
зашумят они по всей стране,  
а когда придет пора цветения,  
пусть они тебе расскажут обо мне!